

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 12 Декабря.

СОДЕРЖАНИЕ: Крестьянскій театр.—Замѣтки.—
О современной нейрастеніи и о быломъ героизмѣ
(окончаніе). Ив. Иванова.—Национальность въ искус-
ствѣ А. Ростиславова.—Хроника театра и искусства.—
Письма въ редакцію Е. Плевинской и Молодого ак-
тера.—Музыкальныя замѣтки. Б. М. Соловьева.—Теа-
тральныя замѣтки А. К—елл.—Гастролеръ (продол-
женіе). Гр. Ге.—Спѣши, стих. въ прозѣ Lolo.—За-
границей.—Провинціальная лѣтопись.—Справ. от-
дѣль.—Объявленія.

№ 50.

Рисунки: К. Брюловъ (съ порт. Кукольника),
«Инеса ди Кастро», съ картины К. П. Брюлова.—
«Накипь» (2 р. А. Ростиславова и П. Ассатурова).—
«Война съ женами» рис. П. И. Ассатурова.—«Теа-
тральныя силуэты» Л. Бакста.—«Спаньовето» въ
Общ. искусства и литературы.—«Ромео и Джульетта»
въ Empire Theatre.

Портреты г-жъ Томской, Эйгенъ, Красовскаго,
Стрѣльскаго, Рюмина.
Виньетки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1900 Г. НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

(четвертый годъ изданія).

Съ 1900 г. мы вводимъ новое приложеніе:

12 выпусковъ, отъ одного до двухъ листовъ каждый,
„Библіотеки“, въ которой будутъ помѣщаться наибо-
лѣе объемистыя статьи. Выпуски будутъ печататься въ
обыкновенномъ книжномъ форматѣ, и по истеченіи года,
составятъ компактный томъ. Кромѣ того, будетъ увеличено
число нотныхъ приложеній. Въ общемъ читатели получатъ:

52 №№ журнала (около 1000 страницъ).

20 репертуарныхъ пьесъ.

12 выпусковъ Библіотеки.

12 нотныхъ приложеній.

2—3 выпуска „Словаря сценическихъ дѣятелей“.

Не смотря на такое значительное расширеніе журнала,
подписная цѣна остается прежняя, т. е.

6 р. на годъ, **4 р.** — полгода.

Разсрочка допускается на прежнихъ основаніяхъ, по **2 р.**
въ три срока: при подпискѣ, 1 Марта и 1 Юня.

Первый № за 1900 г. выйдетъ 2 января,
почему контора покорнѣйше проситъ записы-
ваться заблаговременно.

Театральныя справочно-статистическія

Бюро Русскаго Театральнаго Общества:

Въ Москвѣ—Тверская ул., уг. Сытинскаго пер., д. Арбатска-
го; открыто ежедн., исключая празднич. дней, отъ 10 до 4 час.

Въ С.-Петербургѣ—Караванная ул., д. № 9, кв. 6; открыто
ежедневно, исключая праздничныхъ дней, отъ 10 до 5 час.

С.-Петербургъ, 12 декабря.

Въ насъ указывалось на настоятельность извѣстныхъ
реформъ въ дѣятельности попечительства о на-
родной трезвости. Кстати, по поводу реформъ,
а также того, что разумѣется подъ ними.
Въ недавно опубликованныхъ Министерствомъ
Финансовъ свѣдѣніяхъ, между прочимъ, вы-
сказывается мысль о желательности, для развитія
дѣла народнаго театра и отвлеченія народа отъ
пьянства, организовать труппы, гдѣ-бы актерами явля-
лись крестьяне и фабричныя. Едва-ли, однако, ав-
торы этого предложенія уяснили себѣ вопросы на-
роднаго театра, его роль и значеніе. Опытъ «кресть-
янскаго театра» былъ сдѣланъ Н. В. Рукавишни-
ковымъ въ его театральномъ помѣщеніи въ селѣ
Рождествинѣ, близъ Сиверской станціи. Крестьян-
скую труппу, увы, скоро пришлось распустить. Вна-
чалѣ мужички заинтересовались дѣломъ безко-
рыстно, но вскорѣ въ труппѣ возникли зависть,
стремленія къ премьерству, небрежное отношеніе къ
дѣлу, и... и наконецъ, крестьяне артисты потребо-
вали гонорара... Таково вліяніе театральн. атмо-
сферы на взрослыхъ дѣтей, какими являются кре-
стьяне.

Правда, Щепкинъ вышелъ изъ крестьянъ. Но это
исключеніе, притомъ гениальное, и относящееся къ
тому времени, когда театръ, вообще, «обслужи-
вался» крѣпостнымъ народомъ. А главное, Щепкинъ
былъ профессиональнымъ актеромъ, а не любителемъ
драматическаго искусства изъ мужичковъ. Хорошъ
новый титулъ!

Однако, не въ этомъ дѣло. Мы останавливаемся
на этомъ проектѣ по основаніямъ, гораздо болѣе
серьезнымъ. Возможность такого проекта указы-

ваает на полное смѣшеніе точекъ зрѣнія. Народные театры должны устраиваться для народа, а никакъ не *изъ* народа. Отвлекающее (съ точки зрѣнія Министерства Финансовъ) значеніе народнаго театра должно состоять не въ томъ, что народъ будетъ развлекаться баловствомъ, но тѣмъ, что, соприкасаясь съ образцами искусства, просвѣтлѣетъ умомъ и чувствомъ. Приходится заключить, что если желательны театры съ мужичками-актерами, то уровень требований, предъявляемыхъ къ народнымъ театрамъ, въ высшей степени низменный. А это неправильно, ибо дурной театръ совсѣмъ и не театръ, какъ книжка о прекрасномъ рыцарѣ и семнадцати его приключеніяхъ не является проводникомъ просвѣщенія. Народный театръ, чтобы выполнить предназначенную ему миссію, долженъ быть *художественнымъ*... въ мѣру возможности, конечно. Иначе это будетъ переводъ денегъ и любительское баловство, т. е. то именно, во что грозить обратиться прекрасное начинаніе, лишенное твердаго руководительства и опредѣленнаго плана. Еще разъ мы приходимъ къ заключенію, что необходимо наказъ, что нужно выработать общія основанія и учредить должностныхъ лицъ, которые бы слѣдили за выполненіемъ разработаннаго плана. Образование, по почину Министерства Финансовъ, коммисіи по этому вопросу изъ представителей вѣдомствъ, Русскаго Театральнаго Общества и свѣдущихъ лицъ—въ настоящую минуту представляется мѣрою истиннаго благоразумія.

Общес собраніе членовъ Театральнаго Общества, состоявшееся 6 декабря, не оказалось, къ сожалѣнію, компетентнымъ для разрѣшенія главнаго вопроса объ измѣненіи §§ 35 и 36 устава. Столь глухо названный по параграфамъ вопросъ заключалъ въ себѣ весьма существенное измѣненіе—именно право созыва общихъ собраній въ Москвѣ. Какъ мы уже сообщали, имѣлось въ виду назначить этимъ постомъ общее собраніе въ Москвѣ, которое могло бы до извѣстной степени замѣнить Съѣздъ, и которое въ сущности, и было бы съѣздомъ, но безъ торжественной обстановки. Но для измѣненія устава требуется присутствіе въ собраніи не менѣе половины всѣхъ членовъ Общества, имѣющихъ пребываніе въ Петербургѣ—условіе едва ли достижимое.

Такимъ образомъ, вопросъ не рѣшенъ, и созвать общее собраніе въ Москвѣ не удастся. Едва ли, если становиться на практическую точку зрѣнія, удалось бы назначить собраніе въ Москвѣ даже въ томъ случаѣ, если бы пересмотръ былъ принятъ собраніемъ, ибо ходатайство должно было бы поступить на разсмотрѣніе административныхъ сферъ, и удовлетвореніе его могло было бы задержаться.

Вполнѣ естественнымъ и понятнымъ поэтому является предложеніе нѣкоторыхъ членовъ собранія, подписанное многими о томъ, чтобы Съѣздъ вошелъ въ разсмотрѣніе вопроса о созывѣ второго Съѣзда нынѣшнимъ постомъ. Безспорно, осуществленіе этого проекта, въ виду сложности подготовительныхъ работъ, весьма затруднительно, но во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ привести въ ясность какъ ближайшую программу дѣятельности Театральнаго Общества, такъ и имѣющіеся на лицо матеріалы по вопросамъ театральной жизни.

Замѣтимъ, что роковое требованіе устава о необходимости присутствія половины живущихъ въ Петербургѣ членовъ для разсмотрѣнія вопроса о пересмотрѣ устава, грозитъ крайне осложнить пересмотръ устава en bloc, подготовляемый Совѣтомъ.

Равнодушіе членовъ Общества—живущихъ въ Петербургѣ къ общественнымъ дѣламъ—явленіе столь же неизмѣнное, сколь и прискорбное, и доказываетъ, что минимумъ членовъ, требуемый для рѣшенія первостепенныхъ вопросовъ, долженъ быть значительно пониженъ, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ уставѣ.

Въ нашу статью по поводу недоразумѣнія между г. Фигнеромъ и дирекціею вкралась, къ сожалѣнію, досадная погрѣшность. Какъ видно изъ полученныхъ нами писемъ, г. Фигнеръ поетъ по обыкновеннымъ цѣнамъ уже нѣсколько сезоновъ. Исправляемъ нашу ошибку, но замѣтимъ, что, несмотря на нее, исходный пунктъ нашего разсужденія совершенно вѣренъ. Г. Фигнеръ пѣлъ по гастрольнымъ цѣнамъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, а этого достаточно для того, чтобы установилось на долгое время исключительное отношеніе публики. Дирекція, введя обыкновенныя цѣны, исправила ошибку прошлаго, но не изгладилла впечатлѣнія, оставшагося въ публикѣ, и не озаботилась о своевременномъ пополненіи оперныхъ кадровъ. Всѣ эти замѣчанія остаются въ полной силѣ, и нельзя не пожалѣть, что вся тяжесть—прибавимъ, интересная тяжесть—репертуара лежала на одномъ г. Фигнерѣ, и въ резервѣ никого не имѣлось.

Отъ редакціи.

Для напечатанія въ 1900 г. редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи слѣдующія новыя пьесы: «Накипь», ком. въ 4 д., **П. Д. Боборыкина**, «Завѣщаніе», пьеса въ 4 д., **П. П. Гидича**, «Максимъ Сумбуловъ», историческая драма, въ 5 д. и 6 карт., **Кн. Д. П. Голицына (Муравлина)**, «Преступленіе и Наказаніе», **А. Я. Дельера**, «Неугмонная», комедія въ 4 д., **П. М. Невѣжина**, и мн. др. Въ первыхъ же номерахъ будутъ напечатаны: «Изъ воспоминаній», **М. Г. Савиной**, рассказы и повѣсти **П. М. Невѣжина**, **В. Свѣтлова**, **М. А. Любимова** и др.

О современной нейрастеніи и старомъ героизмѣ.

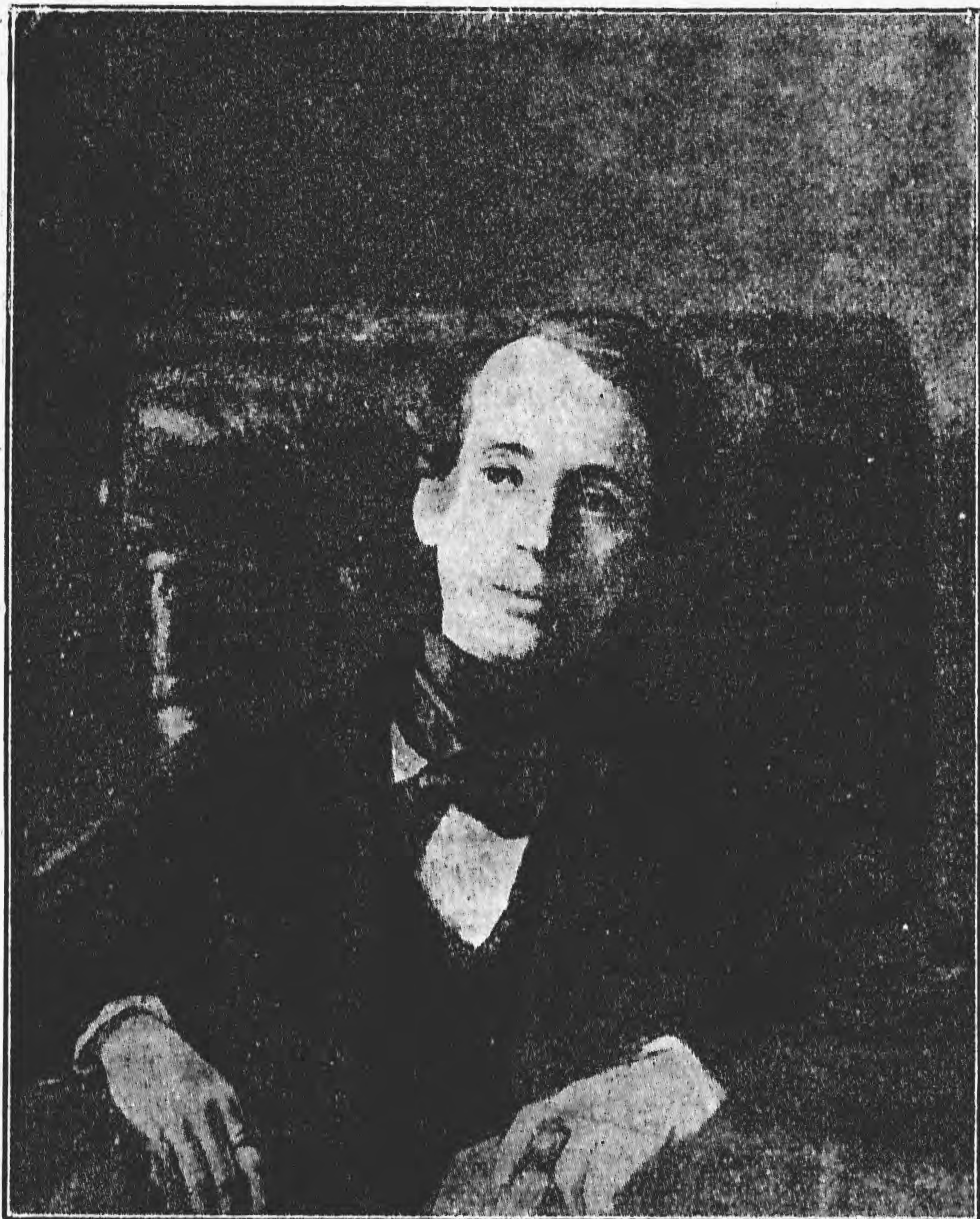
(Окончаніе *).

Въ первый пріѣздъ Мунэ-Сюлли глубоко разочаровалъ насъ своимъ Гамлетомъ... Неужели, спрашивали мы, артистъ не былъ молодостью—несбыточныхъ грезъ, необъяснимыхъ порывовъ, безпричинныхъ страданій и безумныхъ подвиговъ? Неужели онъ не чувствовалъ себя несчастнымъ потому, что причина всѣхъ причинъ остается тайной, и одинокимъ изъ-за того, что не всѣ люди стремятся нашъ міръ преобразовать въ царство справедливости и блаженства? Тогда артистъ не внесъ бы въ роль Гамлета ни капли своего національнаго классицизма съ его яснымъ *резонирующимъ* „разумомъ“, съ его шаблонной жеппе ргетіег'ской энергіей—только потому, что актеръ исполняетъ главную роль, съ его, наконецъ, душевнымъ холодомъ при неисчерпаемомъ хотя и однообразномъ обилии *jeux de scène*.

Нѣтъ, — это и не нашъ, и не шекспировскій Гамлетъ, — это Гамлетъ именно безъ аромата, безъ лири-

1) См. №№ 47, 48 и 49.

К. П. БРЮЛОВЪ.

Съ портрета П. Кукольника.

Къ предстоящему 12 декабря 100-лѣтію рожденія художника.

ческой тоски чувства, безъ туманной, но властно влекущей къ себѣ полуфилософской, полувдохновенной думы. Это Гамлетъ опрозраченный, омраченный *духовно* и слишкомъ разнаряженный и раскрашенный извнѣ.

И намъ моментами становилось больно за „милаго принца“, не смотря на то, что у французскаго артиста онъ мыслить, повидимому, до прозрачности ясно и дѣйствовалъ отъ начала до конца—съ самой открытой энергіей. Герой выросъ, — но человекъ исчезъ—почти безслѣдно и совершенно непонятнымъ и лишнимъ отступленіемъ отъ героической программы казалось намъ рѣшеніе вопроса о бытіи и небытіи: такимъ ли молодцамъ заниматься подобной канителью!..

Артистъ уѣхалъ изъ Москвы, навѣрное, счастливый ея приѣмомъ и полный желаніемъ снова посѣтить ее. Его шли смотрѣть съ жаднымъ интересомъ, въ его роляхъ заранѣе искали сильныхъ художественныхъ образовъ, крики и аплодисменты были ему заранѣе гарантированы обаяніемъ громкаго имени. Отъ игры артиста съ самаго начала повѣяло холодомъ, поэзія ежеминутно подчинялась ораторскому искусству, публика могла понять, почему такъ Гюго щедръ на чисто-неорологическія ремарки — въ родѣ: *les yeux s'aliment, les yeux au ciel...* На нашъ взглядъ странно это и для артиста даже обидно: будто ему ежеминутно необходимо давать уроки декламации и самъ онъ не можетъ сообразить, когда поднять и опустить глаза. А потомъ, — какъ это, вообще, *по приказу автора* воспламенить свои взоры?

Но съ точки зрѣнія французскаго артиста эти распоряженія вполнѣ естественны, — здѣсь все дѣлается

по чисто-разсудочной командѣ. Тому, что мы называемъ порывомъ вдохновенія, здѣсь нѣтъ мѣста, и блестящіе теоретики французскаго художества даже издѣваются надъ этой, по нашему мнѣнію, столь поэтической и благородной силой.

Мы должны были помириться съ этой неорологіей, — и мы мирились. Мы брали то, чѣмъ осчастливилъ насъ артистъ, — но въ глубинѣ нашей души осталось чувство нѣкоторой горечи разочарованія, — чувство, похожее на то, какое, напримѣръ, тургеневская Наташа испытываетъ на послѣднемъ свиданіи съ Рудинимъ.

Она сосредоточила на этихъ минутахъ всѣ надежды истомившагося сердца, она явилась — вся трепещущая предвкушеніемъ стремительнаго отклика на ея молодое увлеченіе, вся охваченная счастьемъ — упиться бурными рѣчами на все готовой любви, услышать призывъ на подвиги и страданія... И вмѣсто всего этого — нищій сердцемъ человекъ говоритъ ей красивыя добродѣтельные истины, усиливается логикой и моралью одержать побѣду надъ ея юной могучей поэзіей... Больно и обидно, — и пылкая героиня въ негодованіи разрываетъ чарующую ткань надеждъ и вѣры, сотканную ея воображеніемъ и навсегда отворачивается отъ лицедействующаго ритора...

Нѣчто подобное заставилъ испытывать насъ Мунэ-Сюлли, какъ Гамлетъ.

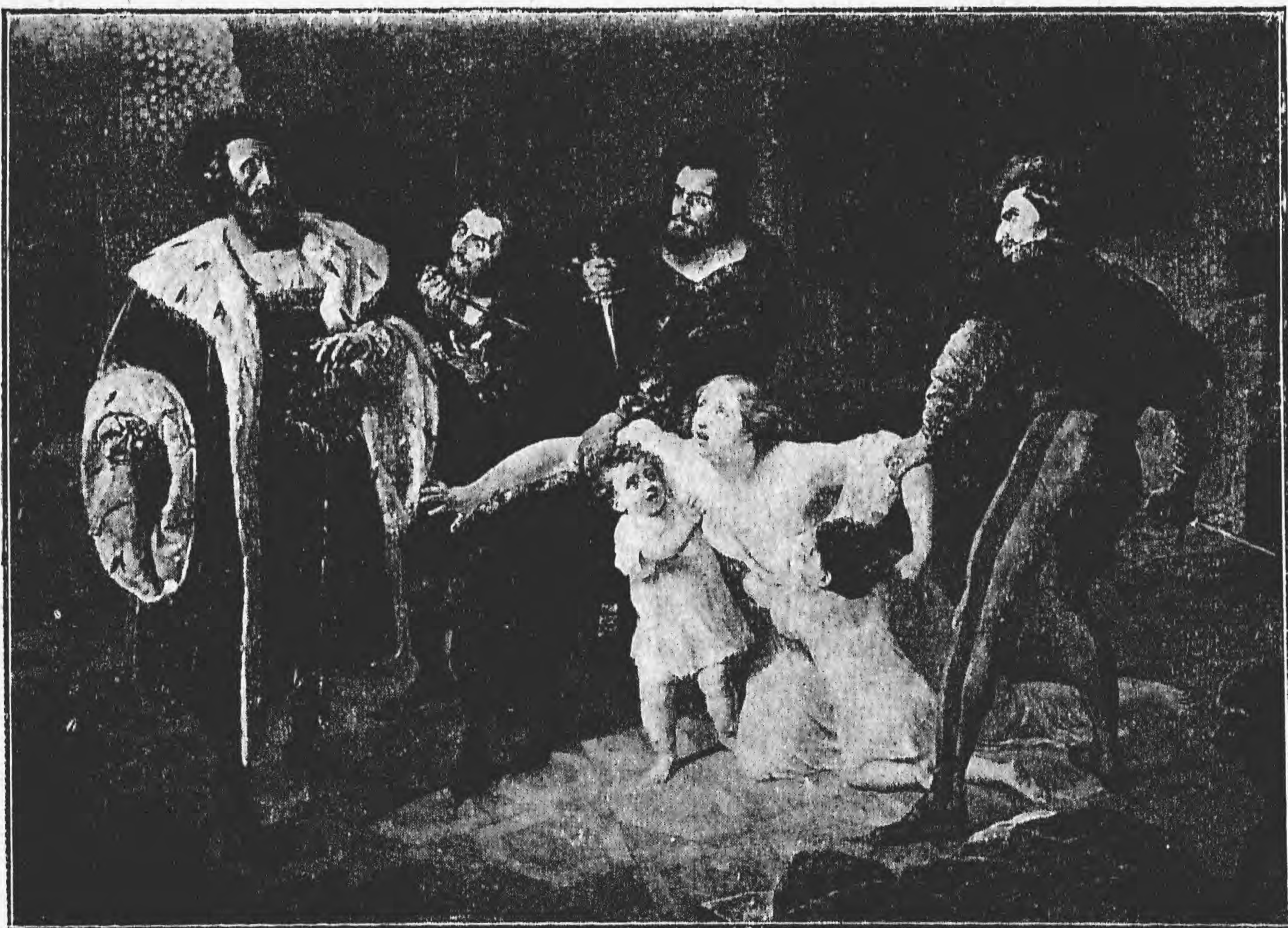
Теперь онъ снова явился къ намъ и съ ролью еще болѣе глубокаго и мощнаго лиризма. Опять артисту предшествовали слухи о чудесахъ его труда и таланта. Гамлета, говорили намъ раньше, онъ изучалъ втеченіи десяти лѣтъ, — Отелло нѣчто еще болѣе совершенное: это королевскій брилліантъ въ художественномъ вѣнкѣ артиста.

И Москва еще разъ отозвалась на громкую молву. Первый спектакль артиста собралъ многочисленную толпу, и она — еще до появленія Отелло была во власти артиста: такъ неотразима слава и такъ глубока наша признательность художникамъ, приобретающимъ славу на *героическомъ* поприщѣ сценическаго искусства.

VI.

Да, именно признательность! Инымъ словомъ нельзя назвать интересъ, охватывающій цвѣтъ на-

КЪ 100-ЛѢТІЮ РОЖДЕНІЯ К. П. БРЮЛОВА.

«Инеса ди Кастро», карт. К. П. Брюлова.

шей интеллигенции, при всякомъ дыханіи вѣтра „съ юго-запада“. Куда дѣвается усталость, индифференцизмъ и всѣ житейскія банальныя дразги! Покажите этимъ людямъ настоящаго героя, одареннаго божественной властью—очаровывать и подчинять—и они забудутъ, что сцена—иллюзія и герой только „бѣдный комедіантъ“.

Отелло несомнѣнно изъ породы героев. Онъ самъ это сознаетъ, своимъ удѣломъ онъ считаетъ судьбу людей „поставленныхъ высоко“; ихъ страданія, какъ смерть, противны. И мавръ вѣренъ своей породѣ—въ дѣлахъ и словахъ.

Самыя простыя вещи онъ выражаетъ оригинальной страстной рѣчью. Его клятвы, его лирическія чувства, его отчаяніе—все это горитъ и блещетъ тысячью самоцвѣтныхъ красокъ, дышитъ грозной стихійной силой избранной натуры. Что для другого гипербола, экстренный взрывъ лирическаго настроенія—у Отелло обычный отвѣтъ судьбѣ и людямъ. И какъ просто и въ то же время величаво сѣмѣлъ англійскій поэтъ облечь стихомъ эти гремящіе монологи!

Другъ Мунэ-Сюлли вздумалъ перевести ихъ на французскій языкъ и выразить въ традиціонной формѣ классической трагедіи—въ александрийскихъ стихахъ, приспособить, однимъ словомъ, шекспировскую драму къ *les habitudes françaises*.

Можно было заранѣе придти въ оторопь отъ этой операци. „Французскія привычки“—осчастливившія міръ Расиномъ и Корнелемъ, тремя единствами, хитроумнѣйшимъ ученіемъ о стилѣ, о цезурахъ... И онѣ-то должны преобразовать Отелло!

И онъ преобразовался.

Онъ опасается теперь говорить грубыя вещи своей женѣ и скромно умалчиваетъ на французскомъ діалектѣ о томъ, что бы произошло отъ слезъ жены измѣнницы. Не говоритъ онъ и многого другого или совершенно переиначиваетъ всю англійскую рѣчь. Особенно онъ боится головокружительныхъ истинно-шекспировскихъ сравненій. Онъ имѣетъ дѣло съ воображеніемъ, въ трагедіи не переходящемъ предѣловъ разума и „благопристойности“. Поэтому не можетъ быть и рѣчи о гнѣвной выходкѣ противъ подобныхъ сводницъ, о носѣ собаки, который долженъ быть брошенъ Кассіо, и даже съ Яго Отелло будетъ выбирать по возможности слова „хорошаго вкуса“.

„Заставь заплакать небо и вздрогнуть міръ земной!“ Это—подлинный Отелло,—во французскомъ платѣ это будетъ весьма иначе, а именно: „Que la terre en pleure et que le ciel s'attriste!“—изящнѣе и не такъ страшно. И все въ такомъ же духѣ,—часто въ самомъ возмутительномъ. Напримѣръ, безсмертное прощаніе мавра со всѣми радостями своей жизни. Эти чудныя: „прости, скакунъ ретивый, вѣрный мой“... Не заблеститъ рядъ шлемовъ, окрыленныхъ предомной... Простите гулы грома...“ По французски вы знаете, во что это превратилось? Въ назидательный афоризмъ, въ тему для упражненія по риторикѣ. Adieu... la guerre, par qui la gloire revêt on sent l'ambition transformée en vertu!“ Вотъ—какой Отелло докторъ моральныхъ наукъ!

Не пощажена и Дездемона—и иногда неизвестно даже—за что. Напримѣръ,—во французскихъ стихахъ мы не слышали едва ли не самой краснорѣчивой характеристики героини: Дездемона сравниваетъ себя съ ребенкомъ и сѣтуетъ на излишнюю суровость Отелло.

Достаточно. Свидѣтельства вполне убѣдительныя, и уже они заставляютъ насъ отчасти предчувствовать сценическаго Отелло, аранжированнаго согласно „хорошему вкусу“ французской публики.

Онъ очень красивъ этотъ Отелло, гораздо красивѣе, чѣмъ извѣстное его изображеніе, сохранившееся до нашихъ дней,—и мы не понимаемъ, почему Дездемонѣ требовалось въ лицѣ мавра видѣть его доблести: и само по себѣ лицо вполне правоспособно въ вопросахъ любви и увлеченія.

А стройность стана, живописность наряда, своеобразные жесты въ моменты страсти: настоящее благородное животное африканской пустыни! А эта царственная повадка въ минуты добраго настроенія, эта рыцарственная довѣрчивость и какая-то инстинктивная вѣра льва въ свою непобѣдимую мощь. *C'est superbe!* восклицаете вы,—и съ нетерпѣніемъ ждете драмы.

Увы! ея нѣтъ,—да—нѣтъ до страннаго, невѣроятнаго.

Мы видѣли Отелло до послѣдней степени опрозраченнаго,—у артиста Эмануэля. Въ его игрѣ почти исчезалъ всякій намекъ на любовь мужчины къ женщинѣ, оставалось впечатлѣніе—будто *отецъ* страдаетъ отъ преступленія *дочери*. Это нестарый мужъ молодой красавицы, а—сначала—безгранично благодарный опекунъ и защитникъ, а потомъ—несказанно обиженный рыцарь. И катастрофа губитъ Отелло—не героя, до конца прямо въ глаза глядящаго судьбѣ,—а несчастную, обезсиленную и *опозоренную* жертву. Зрителю его жалко безъ малѣйшей примѣси чувства удивленія...

И все-таки и этотъ Отелло—буржуазно-реальный и шаблонно-симпатичный—умѣлъ показать публикѣ Шекспира лицомъ, а не наизнанку. Благодарнѣйшіе моменты драмы жили у него широкой *геніальной* жизнью самого драматурга,—и рассказъ передъ сенатомъ, прощаніе съ прошлымъ—остались для насъ незабвенными,—и кто видѣлъ Эмануэля—таковыхъ, къ сожалѣнію, въ Москвѣ было очень мало—вспоминаетъ именно эти частности его игры.

Что же случилось у Мунэ-Сюлли?

Рѣчь въ сенатѣ не вызвала ни одного движенія въ залѣ,—въ нашей, московской залѣ, гдѣ Сальвини задыхался отъ высокой температуры послѣ чуть не всякой болѣе или менѣе крупной реплики! *Два акта* сыгралъ французскій артистъ,—и публика впала въ смущеніе. Даже встрѣча на Кипрѣ—оказалась обезцвѣченной,—будто Отелло и не думалъ именно въ эту минуту невольно крикнуть слова—на тему фаустовскаго: „Остановись, мгновеніе!“ Онъ—только, можетъ, теперь, почувствовавшій всю *реальность* нежданнаго счастья!..

Мы переставали интересоваться *такой* драмой. Мы не видѣли ея цѣльности, насъ не окружала напряженная атмосфера трагической судьбы—даже въ третьемъ актѣ мы едва не пропустили отелловскаго „прости!“ Да,—едва не безслѣдно прозвучали предъ нами музыкальные стихи, даже съ александрийскимъ ритмомъ, все-таки полные значенія. Мы не боимся сознаться въ этомъ: артистъ забылъ, что въ „Сидѣ“ онъ неподражаемо декламируетъ: *O combien d'actions, combien d'exploits célèbres!* что у него громомъ звучитъ *Je te hais* Эрнани, что его Эдипъ будто сошедшій съ пьедестала античный богъ. Забылъ онъ все это,—и будто проворковалъ вопли Отелло, предъ которыми всѣ монологи Сиды и Эрнани—кимвалъ звучащій. Мы заранѣе соглашаемся,—можетъ быть, нѣкоторыя наши выраженія слишкомъ грустны и горьки,—но мы такъ многого ждали и такъ мало получили! Мы, москвичи, исконные идеалисты театральнаго зрѣлища, мы, видѣвшіе геніальныхъ *идейныхъ* актеровъ и единственныхъ, можетъ быть, во всемъ мірѣ *рецензентовъ философскаго* направленія—Бѣлинскаго и Григорьева. Для насъ пьесы и театры до сихъ поръ тоже самое, что,

ОПЕРНЫЯ АРТИСТКИ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХЪ СЦЕНЪ.

А. Томская.

Б. Г. Эйгенъ. (Сопрано).

(Казанско-Сарат. Товарищество).

напримѣръ, для западнаго европейца парламентскія событія и политическія рѣчи, — и мы не разучились быть идеологами сцены и расовыми критиками классическихъ спектаклей.

И поэтому мы такъ жестоко отплатили нашему гостю наше разочарованіе. Послѣ „Отелло“ его спектакли не собирали публики, — только „Сидъ“ вызвалъ нѣсколько болѣе *теплый* интересъ — и то по рассказамъ тѣхъ, кто раньше видѣлъ этотъ дѣйствительно художественный спектакль. Печать тщетно взывала не только къ эстетическому чувству, а даже къ совѣсти своихъ читателей: вся интеллигентная Москва на слѣдующій же день послѣ представленія „Отелло“ знала неожиданныя приключенія артиста, — и была права въ своемъ равнодушіи.

Оно отнюдь не — упадокъ нашей эстетики, не одичаніе и не апатія. Независимо отъ гастролеровъ мы умѣемъ цѣнить и домашнія истинно-художественныя явленія сцены, — доказательство — успѣхъ Общедоступнаго театра, представленія одной и той же пьесы, доходящія здѣсь — при полныхъ сборахъ — до тридцати и даже до пятидесяти разъ. Москвичей не пугаютъ даже такія *неудобства* для посѣщенія театра, какъ весна и жара: Дузэ — собирала ихъ, именно, при этихъ условіяхъ. Не страшны намъ и цѣны: та же Дузэ — неопровержимое доказательство. Мы — самоотверженны и тароваты. Мы только желаемъ одного — *силы и правды*.

Въ нашей будничной жизни сила незамѣтна, потому что проявляется чаще всего къ мелочамъ, правда — осмотрительна, дилетантична, часто робка, потому что страстные темпераменты и бурный разметъ чувствъ и настроеній — не въ нашихъ нравахъ. Но и сила, и правда не утратили ни единой искры своего очарованія надъ нами, — какъ и вообще надъ современнымъ человѣкомъ.

Пусть этотъ человѣкъ изо дня въ день именуется титулярнымъ совѣтникомъ, купцомъ, биржевикомъ, учителемъ греческаго языка и даже русскимъ публицистомъ; онъ подчасъ низко сгибается подъ бременемъ мелочей и страдаетъ — жалко и даже комично

отъ разныхъ дрязгъ, будто отъ укусовъ сибирскаго „гноса“, — но и въ его сердцѣ, и на его поприщѣ живетъ неумирающая жажда нравственнаго человеческого могущества и красоты.

Именно, въ эту жизнь вѣрилъ Гоголь. Онъ такъ задушевно рисовалъ лирическій восторгъ обитателя четвертаго этажа, подъ вой русской снѣжной вьюги, — надъ книгой писателя, умѣющаго казнить все, что позоритъ и отвращаетъ человѣческую душу, но также умѣющаго щадить самую эту душу, умѣющаго находить ее — подъ копотью и шлакомъ житейскихъ невзгодъ. Это *нашъ* реализмъ и въ немъ наша правда и сила.

Ив. Ивановъ.

О націонализмѣ въ искусствѣ.

Надо думать, что устроители австро-венгерской выставки, въ организациі которой приняло дѣятельное участіе австрійское правительство, постарались, чтобы современное искусство объединеннаго государства было представлено у насъ по возможности полно, хотя съ перваго-же раза нельзя не замѣтить почти совершеннаго отсутствія произведеній такихъ крупнѣйшихъ представителей современнаго искусства вообще, какъ Матейко, Мункаши и даже когда-то всемірно извѣстнаго Ганса Макарта. Многіе предметы взяты изъ коллекцій Австрійскаго императора, на многихъ картинахъ, особенно венгерскаго отдѣла, обозначено, что онѣ собственности правительства или вѣнской Академіи. А между тѣмъ, изъ всѣхъ заграничныхъ выставокъ, побывавшихъ у насъ въ послѣдніе годы, если исключить италіанскую, шаблонность и пошлость большинства картинъ которой такъ рѣзали глазъ, австро-венгерскую можно назвать, кажется, менѣе всего интересной. Не то, чтобы слишкомъ слабъ былъ ея общій уровень. Наоборотъ видно, что большинство австрійскихъ художниковъ учится основательно и владѣетъ техникой; на выставкѣ сравнительно мало тѣхъ ремесленныхъ лубочныхъ произведеній, которыми въ изобиліи сеголяла италіанская выставка, но бросается въ глаза отсутствіе крупныхъ индивидуальныхъ талантовъ, оригинальности, *націонализма*. Вопросъ о значеніи націонализма въ искусствѣ все еще, кажется, вопросъ спорный. Художники и эстетики новѣйшей формациі,

повидимому, отрицаютъ его значеніе. Но подъ націонализмомъ въ искусствѣ надо подразумѣвать не обязательность для художника воспроизведенія, такъ сказать, этнографическаго, — народной и государственной жизни, какъ это у насъ еще очень недавно понимали, а тотъ складъ всего художественнаго образа художника, который создается и развивается, исключительно благодаря особенностямъ данной страны, вліянію всего уклада ея жизни, и сказывается не только въ характерѣ композиціи и въ общемъ настроеніи, а даже въ мелочахъ и деталяхъ техники, въ тѣхъ почти неувидимыхъ нюансахъ, которые только чувствуются. Съ этой точки зрѣнія, художникъ, изображающій, положимъ, бытъ, нравы, тоны, пейзажъ чужой страны, все-таки можетъ оставаться глубоко національнымъ. Съ этой точки зрѣнія, всѣ колоссы искусства, какъ Рембрандтъ, Рубенсъ, Веласкецъ, были глубоко національны. Современная французская живопись, не смотря на удивительное разнообразіе мотивовъ, трактовки, глубоко-национальна, потому что въ произведеніяхъ французскихъ художниковъ ярко сказываются ихъ національныя черты, ихъ удивительная восприимчивость, вѣчное стремленіе къ свободѣ, къ новизнѣ, къ разработкѣ новыхъ формъ, ихъ чуткое и глубокое пониманіе сущности искусства. Еще пожалуй болѣе яркая печать націонализма лежитъ на современномъ искусствѣ сѣверныхъ народовъ: шведовъ, норвежцевъ, датчанъ, финляндцевъ и, конечно, не потому только, что сѣверные художники передаютъ мотивы своей природы, что они съ жадностью разрабатываютъ народный эпосъ, а, именно, потому, что въ ихъ произведеніяхъ ярко сказывается своеобразный складъ натуры сѣвернаго художника вообще, что они срослись корнями съ своей страной, что, учась въ Парижѣ, овладѣвая современной техникой, они своеобразно культивируютъ ее на мѣстной почвѣ. Глубоко національно и наше искусство, благодаря отдѣльнымъ крупнѣйшимъ индивидуальнымъ талантамъ Васнецова, Сурикова, Рѣпина и др., благодаря цѣлой серіи нашихъ прекрасныхъ, удивительно-талантливыхъ пейзажистовъ, съ Левитаномъ во главѣ, хотя оно еще совсѣмъ не оцѣнено, если исключить Васнецова, въ Западной Европѣ, знакомой съ нимъ болѣе по произведеніямъ такихъ международныхъ и не дающихъ никакого представленія о нашемъ искусствѣ художниковъ, какъ Семирадской, Бакаловичъ и Константинъ Маковский. Есть ли, дѣйствительно, какія-нибудь черты націонализма въ произведеніяхъ этихъ художниковъ, въ особенности послѣдняго, даже не смотря на то, что сюжеты его картинъ взяты почти исключительно изъ русскаго быта XVII ст.? Ибо трактовать эти сюжеты такъ, какъ трактуетъ онъ, могъ-бы и любой иностранный художникъ, запасшійся достаточной коллекціей древне-русскихъ костюмовъ и вещей. Мнѣ кажется, такіе художники, какъ Константинъ Маковский, особенно наглядно иллюстрируютъ разницу между истиннымъ націонализмомъ и націонализмомъ, такъ сказать, костюмнымъ, бутафорскимъ. Къ сожалѣнію, публика наша мало чувствуетъ эту разницу; у насъ нерѣдко сходятъ за національныя именно бутафорскія произведенія, гдѣ все дѣло въ такъ называемомъ русскомъ стилѣ и русскихъ костюмахъ, особенно, если эти произведенія приправлены дозой квасного патріотизма. Национализмъ въ искусствѣ необходимъ и цѣненъ не въ смыслѣ бутафоріи и квасного патріотизма, а въ томъ же смыслѣ, какъ цѣнна въ отдѣльныхъ произведеніяхъ искусства индивидуальность. Национализмъ — это какъ бы печать индивидуализма не отдѣльнаго лица, а цѣлой страны. Отсутствіе его придаетъ произведенію искусства тотъ непріятный безличныя характеръ международности, который до послѣдняго времени уже царилъ въ архитектурѣ, въ предметахъ художественно-промышленнаго производства. Произведеніе, лишенное націонализма, это стертая монета, не имѣющая никакой цѣны у археологовъ, на которой уже нельзя разобрать, какому времени и народу она принадлежала. Чѣмъ ярче и своеобразнѣе сложилась исторія народа, чѣмъ болѣе самобытенъ строй его государственной и общественной жизни, чѣмъ оригинальнѣе географическія и климатическія условія страны, тѣмъ ярче должны проявиться черты націонализма, вообще, и въ искусствѣ, въ частности. Поэтому, мнѣ кажется, вліяніе новыхъ теченій въ искусствѣ, нахлынувшихъ съ Запада, какъ-бы на первый взглядъ они ни захватывали нашихъ художниковъ, не могутъ обезцвѣтить и привести къ одному знаменателю наше искусство; они внесутъ въ него только свѣжія струи; у насъ не перестанутъ появляться такія глубоко оригинальныя національныя дарованія, какъ Васнецовъ въ живописи, Глинка въ музыкѣ, Достоевскій и Толстой въ поэзіи; которые, какъ яркія вѣхи, стоятъ на пути развитія нашего національнаго искусства. И наоборотъ, не представляется ли современная Австрія, эта страна, искусственно получившаяся изъ кусочковъ разныхъ національностей, не объединенныхъ общей исторіей, общимъ духомъ національныхъ стремленій, эта какъ-бы

промежуточная станція между восточными и западными народами Европы, благодарной почвы для развитія безцвѣтнаго международного искусства? По крайней мѣрѣ, настоящая австро-венгерская выставка и особенно собственнo австрійскій отдѣлъ (Австрія, Вѣна), самый богатый количественно и которому отведено первенствующее мѣсто, мнѣ кажется, подтверждаетъ это предположеніе. Въ общемъ, не смотря на различіе національностей, трудно замѣтить большую разницу между отдѣлами. Болѣе другихъ оригинальнымъ и свѣжимъ мнѣ показался крошечный хорватскій отдѣлъ, гдѣ выдаются хорошія смѣло и свободно написанныя акварели г. Ивановича и его же очень интересная по выполненію картина „Поле близъ Сараева“, интересныя, сильныя по живописи картины г. Буковаца „Послѣдній лучъ солнца“ и „Лѣто“, гдѣ очень хорошо и своеобразно трактовано женское тѣло на воздухѣ, „У умершаго“ г. Чикоча, гравюра „Рыбаки“ Црничича. Повидимому, главное вліяніе на австрійское искусство оказываетъ французское; австрійскіе художники какъ-бы учатся во Франціи, многое хорошо усваиваютъ, но не вносятъ въ пріобрѣтенное почти ничего своего, новаго, живаго. Въ ихъ картинахъ не замѣчается ничего особенно плохого, но и не хочется отмѣтить ничего особенно хорошаго. Почти все болѣе и менѣе прилично, гладко, то академично, то современно. Во многихъ большихъ картинахъ замѣчается что-то уже знакомое и по другимъ иностраннымъ выставкамъ и по нашимъ, что-то напоминаетъ хорошее несравненно болѣе крупныхъ художниковъ, хотя иногда здѣсь можетъ быть не заимствованіе, а случайное, тѣмъ болѣе, впрочемъ, характерное, совпаденіе, ибо трудно, напр., предположить, чтобы австрійскіе художники были хорошо знакомы съ нашей живописью. Вотъ большая картина г. Lebedzki „Свершилось“ по сюжету и композиціи — ангелы, окружающіе Спасителя на крестѣ — совершенно аналогичная съ чудной картиной Васнецова во Владимірскомъ соборѣ. Какъ она безцвѣтна по сравненію съ оригинальной, полной мистическаго настроенія, трагизма, поэтической грусти картиной нашего художника! Вспоминается Васнецовъ и въ картинахъ г. Malczewski (изъ краковскаго отдѣла), ангелы смерти котораго тоже такъ блѣдны и надуманы по сравненію съ сурово-мистическими ангелами Васнецова. Впрочемъ, въ картинахъ этого художника замѣтно вліяніе и Беклина и Штука, хотя маленькая картина его „Видѣніе“ интересна и оригинальна. Большая, приличная, аккуратно написанная картина г. Seligmann'a „Операціонный залъ профессора Бильрота“ неудачно напоминаетъ превосходную аналогичную небольшую картину Рѣпина, гдѣ столько жизни и такой тур-де-форсъ живописи. Въ большой картинѣ Goltz'a „Ad ortem“ столько шаблонно академическаго, и въ „Поэтѣ“ его же такое ничтожное выраженіе въ лицѣ и фигурѣ поэта, и такъ много французскаго въ общемъ тонѣ и въ женской фигурѣ. Вообще, по части nude, которой очень не мало подъ разными соусами, замѣтно несомнѣнное вліяніе пресловутыхъ французскихъ спеціалистовъ, Бугеро и др. Напр. въ непріятной со стеклянными неподвижными волнами съ мертвеннымъ оттѣнкомъ тѣла „Афродиты“ г. Hirémy Hirschl'a. Картины въ современномъ вкусѣ, которыхъ тоже не мало, напр. „Малярія“ г. Thiele, громадная картина г. Марка „Искушеніе“ — одно изъ безчисленныхъ искушеній — съ довольно непріятной фигурой и особенно плохо рисованнымъ лицомъ искушаемаго, его же „Раскаяніе“ — зеленый призракъ женщины, дающій распростертаго мужчину, даже очень недурная картина г. Liska „Вдовецъ“ (изъ пражскаго отдѣла), „Мадонны“ то во французскомъ вкусѣ, то во вкусѣ прерафаэлитовъ; право все это перецѣвы чего-то уже давно знакомаго. Даже нашъ г. К. Степановъ изъ Общ. Петерб. Худ. какъ бы фигурируетъ (не думаю, впрочемъ, чтобы ему подражали) въ картинахъ гг. Miller'a Neerlandais, и особенно Probst'a „Музыкальное утро“. Нельзя, впрочемъ, не отличать и болѣе оригинальныхъ художниковъ. Таковъ напр. г. Фенишъ (изъ венгерскаго отдѣла) съ его густой интересной живописью, г. Mehaffey, широкая манера котораго не оправдываетъ черноту и плохой рисунокъ его картинъ, г-жа Boznanska (оба изъ краковскаго отдѣла) съ интересной и довольно своеобразной живописью, но какимъ-то сбитымъ сомканнымъ рисункомъ. Двѣ маленькія картины Rettenkofen'a и картина Rimpler'a „Братъ и сестра“ очень хорошо и тонко нарисованы. Матейко представленъ очень неинтересно двумя небольшими вещами, за то очень интересенъ небольшой пейзажъ Мункачи, и особенно тоны вечерняго неба и прозрачныя деревья на его фонѣ. Изъ пейзажей очень хороши ранній пейзажъ г. Hörmann'a „Внаймъ зимой“, небольшой пейзажъ „Прудъ для гусей“ г. Jettel'a — такой свѣжій и живой по тону, „Прибой“ Loff'a. Мнѣ нравятся также работы Geller'a, Strecher'a Schaeffer'a, Pippich'a, напоминающія впрочемъ по манерѣ Рафаэлли, Хельмонскаго. Пейзажи барона Меднянскаго довольно своеобразны и интересны, но „Весна“ слишкомъ уже черна и грязна. Среди портретной живописи выдается порт-

реть канцлера князя Гогенлоэ г. Лясло въ Бергерскомъ отдѣлѣ, по сильному рельефу напоминающій Боппа, хотя суховато, но очень хорошо рисованный, недурные портреты въ пражскомъ отдѣлѣ гг. Hupais'a и Vliek'a, г. Kotowski въ краковскомъ и собственный портретъ хорватскаго художника Буковаца. Остальные поражаютъ казенностью, сухостью, ремесленностью и удивительной старомодностью выполненія, каковы, особенно въ австрійскомъ отдѣлѣ, портретъ г. Angeli, всѣ портреты г. Hogenovitz'a, портретъ г. Swoboda. У насъ подобными работами изобилуютъ развѣ только выставки Петерб. Общ. Худ.

Если не ошибаюсь, выставка имѣетъ успѣхъ, по крайней мѣрѣ, сравнительно высокая входная плата держалась довольно долго. Все заграничное у насъ вѣдь вообще считается болѣе высокой пробы, чѣмъ свое собственное. Общее благоприличіе, перепѣвы знакомыхъ мотивовъ цѣнятся всегда гораздо больше, чѣмъ яркая индивидуальность, чѣмъ яркія проявленія націонализма. Успѣху выставки должны содѣйствовать и еще довольно надежные элементы—громадный и, если не ошибаюсь, тоже довольно безцвѣтный художественно-промышленный отдѣлъ, гдѣ устроены цѣлые салоны, выставлены цѣлыя коллекціи ювелирныхъ издѣлій, и эффектное электрическое освѣщеніе.

А. Ростиславовъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Министерство Императорскаго Двора увѣдомило Совѣтъ Русскаго Театральнаго Общества, что представленное Совѣтомъ для поднесенія Его Императорскому Величеству Государю Императору, по ходатайству Н. И. Николаева, сочиненіе его „Драматическій театр въ Кіевѣ“ доставлено по высокому назначенію и за означенное подношеніе повелѣно „благодарить“.

По ходатайству Совѣта Русскаго Театральнаго Общества комедія г. Борисова „Биронъ“ разрѣшена Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати къ представленію въ провинціи, при условіи представительства въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Совѣта Театральнаго Общества и согласія мѣстнаго губернатора.

“ * *

Мысль, высказанная нами насчетъ образованія особаго репертуарнаго совѣта, осуществилась. Какъ сообщаютъ газеты, вопросомъ о постановкѣ пьесъ, одобренныхъ Литературно-Театральнымъ комитетомъ, будетъ завѣдывать особая коммисія, подѣ предсѣдательствомъ г. директора Императорскихъ театровъ. Въ составъ коммисіи входятъ: члены Литературно-Театральнаго комитета, главный режиссеръ, г-жи Савина, Жулева и Коммиссаржевская и гг. Сафоновъ и Давыдовъ. Привлеченіе артистовъ въ составъ коммисіи представляетъ, несомнѣнно, извѣстныя удобства.

“ * *

«Новости» сообщаютъ интересную страничку изъ жизни русскаго театра въ Ниццѣ. Кружокъ нашихъ соотечественниковъ, желая почтить пріѣздъ маститаго автора «свадьбы Кречинскаго», собрался въ домѣ г. Арнольди, гдѣ послѣдній прочелъ въ присутствіи автора комедію-шутку «Смерть Тарелкина» (въ рукописи).

Тарелкинъ, желая отдѣлаться отъ кредиторовъ, устраиваетъ такъ, что полиція хоронитъ вмѣсто него, будто-бы скоропостижно умершаго, какой-то манекенъ, а онъ самъ потомъ пируетъ съ этой полиціей въ лицѣ самого Расплюева. Но не долго удастся Тарелкину блаженствовать; онъ становится жертвой произвола полиціи. Начинается странное дѣло. Тарелкина принимаютъ за оборотня, воркулака, за чудовище съ хоботомъ, выходящее по ночамъ изъ могилы питаться кровью живыхъ людей. Тарелкина сажаютъ въ тюрьму, и тутъ, заму-ченый, онъ уже, на самомъ дѣлѣ, умираетъ.

Пріѣздъ Сухова-Кобылина такъ оживилъ интересъ къ театру, что возникло даже предположеніе устроить русскій театръ въ Ниццѣ.

* * *

Новый сюрпризъ!

Антрепренеръ екатеринославскаго театра Шильдкретъ распустилъ свою драматическую труппу и сдалъ театръ оперѣ г. Труффи.

* * *

Музыкальныя новости.

А. А. Давыдовымъ, однимъ изъ основателей петербургскаго общества музыкальных собраній, написана опера на сюжетъ «Потонувшій колоколь» Гауптмана; оперу предполагается поставить въ нынѣшнемъ сезонѣ.

Въ Петербургѣ основывается новое музыкальное общество въ память М. И. Глинки (Глинковский кружокъ), преслѣдующее широкія цѣли. Такъ, намѣчено выдѣлить въ кружкѣ народную консерваторію. Что эта за «народная консерваторія»?

Петербургская бесплатная музыкальная школа готовить къ концерту знаменитый «Телеумъ» Берліоза съ участіемъ оркестра русской оперы и хора общества; изъ солистовъ выступятъ г. Морской и В. Фриде. Концертъ состоится въ честь юбилея Берліоза, въ январѣ или началѣ февраля.

* * *

Балетныя новости:

Главный балетмейстеръ М. И. Петипа серьезно заболѣлъ.

Одною изъ предстоящихъ новинокъ на балетной сценѣ въ будущемъ сезонѣ называютъ бал. «Фаустъ».

По слухамъ, въ непродолжительномъ будущемъ въ балетѣ «Коппелія», въ роли Сванильды выступитъ г-жа Трефилова.

* * *

Товарищъ предсѣдателя Театральнаго Общества А. Е. Молчановъ боленъ втеченіи 3 недѣль. А. С. Кривенко, какъ извѣстно, по грустнымъ семейнымъ обстоятельствамъ, не принималъ до послѣдняго времени участія въ дѣлахъ. Предсѣдательствовалъ членъ Совѣта, г. Иловайскій.

* * *

Намъ доставлена копія Протокола засѣданія Общаго Собранія членовъ Театральнаго Общества.

Послѣ несостоявшагося 22 ноября сего года Общаго Собранія членовъ Общества, 6 декабря сего года состоялось, на основаніи § 37 устава, вторичное Общее Собраніе. Къ началу собралось 35 членовъ Общества. По предложенію открывшаго Собраніе Члена Совѣта В. В. Иловайскаго, предсѣдателемъ Общаго Собранія избранъ былъ Я. А. Плющевскій-Плющикъ, секретаремъ—Н. Н. Окуловъ.

1) Почтена вставаніемъ память скончавшихся почетныхъ членовъ Общества Н. М. Медвѣдовой и Т. И. Филиппова.

2) Одной изъ кроватей въ убѣжищѣ присвоено имя Н. М. Медвѣдовой.

3) Единодушными рукоплесканіями привѣтствовано утвержденіе состоявшагося уже на Общемъ Собраніи выбора въ почетные члены Общества М. Г. Савиной.

4) При предложеніи предсѣдателя избрать раг асслампіон И. А. Всеволожскаго, г. Кремлевымъ заявленъ протестъ противъ такого способа выборовъ, причемъ нѣсколько членовъ заявили о большей умѣстности произвести выборы, по баллотировкѣ.

По закрытой баллотировкѣ, И. А. Всеволожской избранъ почетнымъ членомъ Общества, изъ 32 голосовъ, 30 избирательныхъ голосовъ.

5) Произведена баллотировка и утвержденіе состоявшагося уже избранія въ почетные члены М. Г. Савиной. М. Г. Савина избрана почетнымъ членомъ Общества (изъ 31 голоса, 28 избирательныхъ).

Избраніе привѣтствовано долгими аплодисментами.

6) Капиталъ, собранный на поддержаніе могилъ сценическихъ дѣятелей, употребить на чествованіе памяти О. Г. Волкова, по усмотрѣнію Совѣта, спеціальныя же пожертвованія частныхъ лицъ и учреждений оставить пока отдѣльнымъ капиталомъ, который и истратитъ на указанную цѣль.

7) Вопросъ о дополненіи Устава снятъ предсѣдателемъ съ баллотировки, на основаніи § 38 устава, за неприбытіемъ 1/2 спб. членовъ. Г. Кремлевъ выразилъ желаніе высказаться по поводу этого вопроса такъ-же, какъ и г. Карповъ.

Предсѣдатель, въ виду снятія вопроса и отсутствія на повѣсткѣ другого вопроса съ этимъ связаннаго, не нашелъ возможнымъ допустить пренія, но предложилъ г. Кремлеву формулировать свое предложеніе для будущаго Общаго Собранія. Г. Кремлевъ высказалъ слѣдующее. Пользуясь тѣмъ, что въ Москвѣ Великимъ постомъ сбѣзжается масса артистовъ, ходатайствовать объ организациі Общаго Собранія членовъ Общества въ Москвѣ, со всѣми правами годовыхъ Общихъ Собраній.

Гг. Кугель, Карповъ и г-жа Стрелетова выразили желаніе нынѣ же возбудить вопросъ о созывѣ будущимъ Великимъ постомъ 2-го Съѣзда, въ г. Москвѣ.

8) Вопросъ объ отчисленіяхъ на стипендію А. С. Пушкина въ Убѣжищѣ Общества отложить до весенняго Общаго Собранія.

* * *

М. И. Свободина-Барышева выходитъ изъ состава труппы казанско-саратовскаго товарищества и на будущій сезонъ подписала контрактъ въ Харьковъ къ г-жѣ Дюковой.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы. Московское общество любителей искусства и литературы поставило недавно совершенно невѣдомую у насъ пьесу «Спаньолето». Драма эта принадлежитъ неизвѣстному италіанскому автору эпохи Возрожденія. Главное дѣйствующее лицо знаменитый испанскій художникъ Рибейра, великій и мрачный колористъ. По изложенію неизвѣстнаго автора, Рибейра, испугавшись конкуренціи нѣкагого италіанскаго художника Доминико, вмѣсто лака для

Въ русской частной оперѣ съ большимъ успѣхомъ (!) прошелъ «Кавказскій Плѣнникъ» Ц. Кюи. Партіи въ оперѣ распределены между гг. Секаръ-Рожанскимъ, Шевелевымъ, г-жами Ростовцевой, Цвѣтковой. На первое представленіе—10-го декабря—прибылъ изъ Петербурга авторъ, которому былъ поданъ адресъ.

3-го декабря, въ театрѣ Корша состоялся бенефисъ г. Чинарова. Шли: «Свекровь и Невѣстка» Ф. А. Корша, «Елка» В. И. Немировича-Данченко и монологъ «Я играю Гамлета», соч. бенефицианта. Сборъ былъ большой, хотя не полный. Г. Чинарову поднесли цѣнный подарокъ. Слѣдующій бенефисъ г-жи Романовской. Поставлены будутъ «Предразсудки» М. И. Чайковскаго.

7-го декабря, въ театрѣ комической оперы, состоялся первый бенефисъ М. П. Никитиной. Шла новая оперетта «Вероника». Бенефицианткѣ поднесли отъ труппы и публики много подарковъ и цвѣтовъ. Передъ опереткой въ комедіи «Женская чепуха» выступила съ успѣхомъ сестра бенефициантки А. П. Никитина.

* * *

«СПАНЬОЛЕТО» въ постановкѣ Москов. Общества Искусства и Литературы.

Пьеруччо. (Г-жа Назимова).	Корренціо. (Г. Волгинъ).	Донъ-Іоаннъ. (Г. Владиміровъ).	Донна Элеонора. (Г-жа Яковлева).	Сальваторъ Роза. (Г. Сергѣевъ).	Марія Роза. (Г-жа Русанова).	Фалькони. (Г. Лео).
Рибейра. (Г. Гурвичъ).	Мельх. Борджа. (Г. Протопоповъ).	Пиміэнтасъ. (Г. Донской).	Донна Прасcede. (Г. Шубертъ).	Донна Николетта. (Г-жа Львова).		

картинъ, подсунулъ ему какой-то особенный составъ, отъ котораго всѣ краски погибли. Казалось бы, этого достаточно, но Рибейра еще посылаетъ убійцъ, которые отправляютъ Доминико на тотъ свѣтъ. Драма заключаетъ въ себѣ картину возмездія за содѣянное преступленіе. Мать проклинаетъ Рибейру, и на сценѣ проклетіе въ точности исполняется: у Рибейры уходитъ дочь, онъ становится нищимъ и умираетъ въ страшныхъ мученіяхъ. Сатира или мораль—смыслъ этого всего, сказать довольно трудно, и думается, члены почтеннаго общества могли бы найти что-либо болѣе интересное, даже изъ отдаленныхъ литературныхъ эпохъ. Постановка и исполненіе, какъ всегда въ обществѣ, отличались стараніемъ и тщательностью. С.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы. 30-го ноября въ Большомъ театрѣ поставили первый разъ въ этомъ сезонѣ «Рогнеду». Громадный успѣхъ имѣлъ г. Шаляпинъ въ партіи Странника, 6-го января 1900 г., предполагается празднованіе 75-лѣтія основанія Большаго театра. Возобновленъ будетъ прологъ «Торжество музъ», исполненный въ 1825 г. при открытіи театра.

Бенефисъ Г. Н. Оедотовой, въ Маломъ театрѣ, состоится 29-го декабря. Пойдетъ «Король Ричардъ III» съ бенефицианткой въ роли герцогини Йоркской.

† С. К. Ильяшевичъ. Въ Алустѣ 26-го ноября скончался на сорокъ пятомъ году жизни извѣстный оперный артистъ (басъ), Степанъ Константиновичъ Ильяшевичъ. Впервые С. К. выступилъ на сценѣ въ Астрахани и Казани, въ труппѣ П. М. Медвѣдева, и другихъ городахъ, а закончилъ свою сценическую дѣятельность въ прошломъ сезонѣ въ Перми. Въ Петербургѣ С. К. служилъ въ труппѣ В. Н. Любимова въ Коновскомъ театрѣ, въ Москвѣ—у И. П. Прянишникова. Въ Италіи артистъ гастролировалъ въ Туринѣ, Моденѣ и Миланѣ (въ операхъ «Миньона», «Африканка» и другихъ произведеніяхъ современныхъ италіанскихъ авторовъ). С. К. обладалъ выдающимся по силѣ, красотѣ и діапазону голосомъ и недюжиннымъ сценическимъ талантомъ. С. К.—изъ духовной семьи, по окончаніи семинаріи, слушалъ лекціи въ петербургскомъ университетѣ, вокальное образованіе получилъ въ петербургской консерваторіи. Отличаясь рѣдкими нравственными качествами, покойный пользовался уваженіемъ и общимъ расположеніемъ.

* * *

† П. К. Красовскій. Одинъ изъ нашихъ подписчиковъ сообщаетъ намъ изъ Нижняго-Новгорода о кончинѣ Петра

Кузьмича Красовскаго, известнаго талантливаго актера, жившаго послѣдніе годы на покой въ Нижнемъ, гдѣ у него былъ домикъ, построенный на сбереженія. Нашъ корреспондентъ не указываетъ числа, въ нижегородскихъ же газетахъ, которыя мы пересмотрѣли за послѣдніе дни, замѣтки о смерти Красовскаго мы не встрѣтили. Впро-

† П. К. Красовскій.

чемъ, покойный отличался тою скромностью истиннаго таланта и труженика, которая всегда держитъ человѣка въ тѣни.

П. К. Красовскій былъ человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ. Петербуржцы помнятъ его по участію въ сезонѣ 1895—96 г. въ театрѣ Литературно-артистическаго Кружка, гдѣ имъ созданы были, и можно сказать, возведены въ нѣкоторый перлъ роли Митрича во „Власти тьмы“, Дыбальцева въ „Чужихъ“, „Нахлебника“ и пр. Простота и безыскусственность, трогательная мягкость и человѣчность — таковы отличительныя черты его крупнаго таланта. Красовскій избороздилъ всю Россію, переигралъ тысячи ролей, и являлъ образецъ актера не только талантливаго и искренняго, но и священнодѣйствовавшего на сценѣ. Прибавьте къ этому глубокую честность, порядочность и ту умиротворяющую ясность, которая составляетъ удѣлъ прекрасной и упокоенной старости. Таковъ былъ Красовскій. Народная душа нашла въ немъ свое чистое выраженіе. Спокойно, старый актеръ! Ты честно жилъ и работалъ...

Н. пов.

* * *

† Т. И. Филипповъ. 30 ноября скончался Государственный Контролеръ, сенаторъ, Тертіи Ивановичъ Филипповъ. Родное искусство помянетъ его добрымъ словомъ. Т. И. былъ истиннымъ другомъ всѣхъ артистовъ, музыкантовъ, пѣвцовъ и художниковъ, всегда находившихъ въ его домѣ самый радушный, самый сердечный приемъ, а въ немъ самомъ — тонкаго, строгаго и глубокаго цѣнителя.

Во-вторыхъ, — и это самое главное, — онъ много и усердно радѣлъ о родномъ искусствѣ, о русской чистой, первобытной, безыскусственной пѣснѣ.

Подобно давно покойному нынѣ, Павлу Ивановичу Мельникову (Андрей Печерскій), изучавшему на мѣстѣ, среди Поволжья, всѣ особенности и отличія исконнаго, русскаго быта, скончавшійся Тертіи Ивановичъ Филипповъ извѣдывалъ всю коренную Россію, прямо съ голоса записывалъ богатныя и красивыя мелодіи русской пѣсни и знакомилъ интеллигенцію съ этимъ родникомъ настоящаго, народнаго творчества.

Т. И. издавалъ сборники русскихъ пѣсень; онъ дѣлательно хлопоталъ о введеніи обученія имъ въ нашихъ войскахъ; онъ организовалъ и содержалъ собственный большой хоръ. Тертіи Ивановичъ слишкомъ хорошо понималъ пагубное вліяніе современной, пошлой, пригородной, фабричной пѣсни, широкой волной залившей деревни и села, и хотѣлъ положить предѣлъ этому наводненію, противопоставивъ ему могучаго противника: русскаго солдата, изъ народа взятаго и къ народу же, въ родную среду, возвращающагося послѣ службы, которая его бы научила владѣть мелодичной, то тоскливой и за душу хватающей, то легкой, и беззаботной русской плясовой.

Объ этихъ заботахъ Т. И., отнимавшихъ всѣ его досуги, нельзя не вспомнить съ глубокой благодарностью.

В. Л-ъ.

* * *

† Н. А. Мирскій. 5 декабря скончался капельмейстеръ театра Корша, Николай Алексѣевичъ Мирскій. Покойный сумѣлъ значительно поднять интересъ музыкальных антрактовъ въ этомъ театрѣ удачнымъ подборомъ исполняемыхъ номеровъ, хорошо дисциплиною оркестра и талантливымъ дирижированіемъ. Хорошо образованный музыкантъ, человѣкъ съ развитымъ вкусомъ, онъ относился къ этому дѣлу съ увлеченіемъ, и не разъ музыкальные номера покрывались дружными рукоплесканіями.

Человѣкъ это былъ рѣдкой незлобивости, съ характеромъ по-дѣтски мягкимъ и сердцемъ отзывчивымъ, которымъ онъ завоевывалъ любовь всѣхъ, съ кѣмъ сталкивался. Въ театрѣ, гдѣ неизбежно царятъ раздоры и всякіе кулисные счеты, всѣ были его друзьями. Н. А. написалъ нѣсколько музыкальных композицій. Онъ — не первокласснаго, конечно, достоинства, все больше — танцы, романсы, переложенія популярныхъ мелодій. Но и въ этихъ музыкальных пустякахъ чувствуется вкусъ, изящная, мягкая манера музыкальнаго письма, а иногда сверкнетъ и искорка таланта. Умеръ Н. А. Мирскій (настоящая его фамилія — Горшковъ) отъ горловой чахотки.

Миръ праху скромнаго работника на нивѣ искусства и прекраснѣйшей души человѣка!..

* * *

† М. Ф. Рюминъ. (Роде). Въ воскресенье, 5 декабря, скончался Михаилъ Федоровичъ Рюминъ, актеръ, хорошо извѣстный Петербургу и провинціи. Рюминъ скончался отъ злой чахотки, въ расцвѣтѣ лѣтъ. Едва ли ему было болѣе 35—36 лѣтъ. Послѣдній годъ онъ уже бездѣйствовалъ. Вторую половину прошлогодняго сезона Рюминъ, служившій главнымъ режиссеромъ у Борода, также прохворалъ, и пріѣхавъ въ Петербургъ, гдѣ у него были родные, и гдѣ онъ предпочелъ умирать медленною смертью.

Рюминъ служилъ нѣсколько лѣтъ на Александринской сценѣ, добросовѣстно играя резонеровъ и отчасти фатовъ. У него былъ очень хорошій, густой и пріятный голосъ, и пріятное, выразительное лицо, съ чудесными глазами. Человѣкъ онъ былъ очень мягкій и симпатичный, какъ водится, довольно безхарактерный, и очень добросовѣстный и трудолюбивый актеръ и режиссеръ. Служилъ онъ въ Саратовѣ, Казани, Новочеркаскѣ и другихъ крупныхъ центрахъ. Въ Петербургѣ, кромѣ Императорской сцены, лѣтомъ 1898 г. былъ режиссеромъ въ театрѣ „Озерки“ и принималъ участіе въ спектакляхъ Павловскаго театра. Его нельзя было не цѣнить, какъ актера, за вдумчивое и всегда ясное отношеніе къ роли, за простоту замысла и выдержку тона. Какъ резонеръ, онъ могъ занять выдающееся положеніе въ любой труппѣ.

† М. Ф. Рюминъ.

На похоронахъ М. Ф. Рюмина было не мало друзей покойнаго. Онъ умѣлъ находить друзей и сохранять ихъ привязанность. Черта — прекрасная въ наше сухое время!

А. К.

* * *

Харьковская опера кн. Церетелли на постъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, въ Панаевскій театръ.

* * *

«Война съ женами».

Рис. П. И. Ассатунова.

Фарсъ. Въ театрѣ „Фарсъ“ — бенефисное время. За бенефисомъ г. Сабурова, поставившаго „Пикквика“, слѣдовалъ (4 декабря) бенефисъ г-жи Грановской. Молодая артистка выбрала для своего бенефиса двѣ новинки: комедию „Золотая Ева“ и фарсъ „Война съ женами“. Первую пьесу нельзя собственно считать ни фарсомъ, ни новинкой. Это очень граціозная и милая вещь, принадлежащая къ типу тѣхъ „легкихъ“ комедій, которыя, къ сожалѣнію, все больше и больше уступаютъ мѣсто разухабистой буффонадѣ. Такихъ пьесъ, хотя и не претендующихъ на серьезность и идеальность, но проникнутыхъ тѣмъ мягкимъ, даже, можно сказать, умиротворяющимъ колоритомъ, который не всегда въ состояніи оцѣнить масса, приученная долгими годами къ „спецефической соли“ и разнымъ „вывертамъ“, становится все меньше. Стилъ исполненія не былъ выдержанъ въ театрѣ „Фарсъ“. Тѣмъ не менѣе, исполнители (г-жа Грановская и г. Ленни) имѣли успѣхъ у публики. Г. Горинъ-Горайновъ, по моему, даже идеально исполняетъ фонъ-Шветцингена.

Вторая пьеса — новый фарсъ „Война съ женами“ — смотрится очень весело, хотя ничѣмъ не отличается отъ многихъ другихъ фарсовъ, идущихъ въ томъ же театрѣ. Особенно слѣдуетъ отмѣтить: г-жѣ Воронцову-Ленни (Анжелъ), Грановскую (Аннетъ), г. Каменскаго и др.

Вл. Л—ий.

* * *

9-го декабря Драматическимъ Кружкомъ была поставлена трагедія „Коварство и любовь“. Этой мѣщанской трагедіи Шиллера какъ-то не везетъ за послѣднее время. Повидимому, трудно найти другую пьесу, которая давала бы столько благодарнаго матеріала для исполнителей. Между тѣмъ, исполненіе даже профессиональныхъ актеровъ и на большихъ сценахъ въ этой трагедіи не производило должнаго впечатлѣнія. Исполнители обыкновенно дѣлаютъ большую ошибку, впадая или въ мелодраматическую ходульность или же — совершенно наоборотъ — въ крайній реализмъ. Между тѣмъ, и то, и другое совершенно чужды Шиллеру. Слѣдуетъ играть просто, опозитизировавъ эту простоту, но нельзя играть Шиллера буднично. Вотъ почему, признаюсь, я шелъ на спектакль въ залъ Павловой съ большимъ предубѣжденіемъ. Но тотчасъ же по поднятіи занавѣса мнѣ пришлось пріятно разочароваться. Исполненіе было

очень приличное, выдержанное. Если и были нѣкоторые недостатки у отдѣльныхъ исполнителей, то все это искупалось истинно любовнымъ отношеніемъ къ дѣлу.

Наибольшій успѣхъ въ этомъ спектаклѣ выпалъ на долю г. Горскаго, праздновавшаго въ этотъ день XV-лѣтіе своей сценической дѣятельности. Онъ горячо и безъ всякой излишней манерности исполнялъ Фердинанда. Понравилась намъ и г-жа Отрадина, хотя шиллеровская Луиза какъ будто-бы помоложе, да и не такая разумница, какой она выходила въ исполненіи г-жи Отрадиной. Отмѣчу еще г. Левашева, сыгравшаго, вмѣсто заболѣвшаго г. Берникова, Президента, и г. Михайловскаго (Миллеръ). Г. Поповъ ужъ черезчуръ, какъ говорили въ старину, «отипилъ» роль. Вл. Л—ий.

* * *

Въ „Рус. Словѣ“ мы находимъ слѣдующую живую характеристику скончавшагося на-дняхъ петербургскаго антрепренера Малафѣева.

На Масляной и на Святой онъ сооружалъ свой балаганъ сначала на Адмиралтейской площади въ Петербургѣ, а затѣмъ на Марсовомъ полѣ, сначала съ пресловутыми арлекинадами, когда этотъ жанръ царилъ у покойнаго В. Берга и Легата, а затѣмъ съ балаганными передѣлками различныхъ крупныхъ литературныхъ произведеній, когда вкусы перемѣнились...

Собственно эта антрепренерская дѣятельность покойнаго явилась какъ бы дополненіемъ къ его торговому дѣлу: онъ держалъ лѣсные дворы — лѣсъ нужно было утилизировать, и онъ строилъ балаганы, какъ брался и за сооруженіе «мѣстъ» на всевозможныхъ торжествахъ, парадахъ, народныхъ зрѣлищахъ и т. п.

Лѣсные дворы породили — «Народный театръ», съ одной стороны и... и народныя бани съ другой! Покойный Малафѣевъ держалъ и ихъ, какъ держалъ и ледяные катки зимою, какъ не отказывался, вообще, ни отъ какихъ предпріятій, гдѣ могъ быть пущенъ въ ходъ его запасъ лѣса... Типичнѣйшій сѣренкій мужичокъ, онъ и остался имъ до конца дней своихъ, доживъ до 78 лѣтъ и нимало не приобщившись ни къ новѣйшему антрепренерскому лоску, ни къ новымъ приемамъ театральной антрепризы... Своихъ актеровъ онъ набиралъ больше съ борку да съ сосенки, актрисъ съ табачныхъ фабрикъ, держалъ своихъ служащихъ въ ежовыхъ рукавицахъ и со всѣми безъ различія былъ «на ты», начиная и кончая переговоры въ трактирѣ за «парою чая»...

Маленькій, плотный старикъ, онъ во все входилъ самъ и вездѣ держалъ свой «хозяйскій глазъ», что позволяло ему успѣшно бороться со всѣми конкурентами и постоянно сохранять пальму первенства въ борьбѣ съ другими балаганщиками: даже «№ 1-й» несомнѣнно сохранялся за его балаганомъ на Марсовомъ полѣ, хотя это стоило ему отчаянной борьбы съ конкурентами на торгахъ и не малыхъ расходовъ, выраставшихъ изъ года въ годъ...

* * *

Рекомендуется для бенефисной афиши.

По словамъ нѣмецкихъ газетъ, въ берлинскомъ новомъ театрѣ шла пьеса подъ названіемъ:

— «Zambomiroso libidirutzimutzischlumpianowsky»...

* * *

Въ послѣднемъ октябрьскомъ № „Der Dramaturg“ помѣщено начало разсказа П. П. Гнѣдича, подъ заглавіемъ „Der „Geist“ im Hamlet“ въ переводѣ Helene Mordaunt.

* * *

«Орловъ, вѣст.» разсказываетъ случай изъ жизни маленькихъ «дѣятелей искусства».

Въ циркѣ г. С. на лошади выѣзжаетъ при 12 градусномъ морозѣ мальчикъ, лѣтъ 15-ти, въ трико. Лошадь плохо слушается, сбиваясь съ темпа, мальчикъ ежится отъ холода и продѣлываетъ свои «кунштюки». Вдругъ наѣздникъ падаетъ, причемъ сильно зашибаетъ руку и ногу. На моментъ его лицо искажается отъ боли и подступающихъ слезъ, но подъ строгимъ взглядомъ хозяина, находящагося на аренѣ, мальчикъ вновь вскакиваетъ на лошадь. Онъ долго не можетъ стать на сѣдлѣ на ноги, но, послѣ грознаго шопота «что же ты», встаетъ и прыгаетъ черезъ четыре протянутыя ленты. Публика возмущена, раздаются крики «довольно», но его все-же заставляютъ продолжать работать... Въ антрактѣ приходитъ малютка-дѣвочка лѣтъ 10—12-ти и спрашиваетъ хозяина: — «Дяденька, мнѣ вольжировать?» — «Да!» — «Замерзну, дяденька!» — «Не замерзнешь, ничего!» И черезъ пять минутъ, дѣвочка, посинѣвшая отъ стужи, появляется на аренѣ...

* * *

Намъ пишутъ изъ Одессы: Тетральная коммисія совмѣстно съ Н. Н. Соловцовымъ выработала контрактъ, въ которомъ имѣются значительныя измѣненія. Во-первыхъ, сезонъ открывается 1 сентября обязательно русской драмой, которая остается въ Одессѣ до 1 декабря, послѣ этого наступаетъ оперный сезонъ, который длится до Великаго поста. Антрепренеру предоставляется, по его усмотрѣнью, имѣть русскую или италіанскую труппу. Въ силу новаго пункта контракта театральная коммисія посылаетъ въ Миланъ съ антрепренеромъ своего уполномоченнаго дирижера или другое лицо, который имѣетъ рѣшающій голосъ при приглашеніи артистовъ.

* * *

Несмотря на чрезмѣрно повышенныя цѣны, бенефисъ балетмейстера Л. И. Иванова привлекъ почти полный театръ публики. Полувѣковая служба почтеннаго юбиляра давно уже упрочила за нимъ имя талантливаго артиста, и тѣ единодушныя и продолжительныя оваціи, которыми былъ встрѣченъ бенефициантъ, вполне доказали, что наши балетоманы умѣютъ цѣнить въ артистѣ и трудъ, и дарованіе. Въ чествованіи маститаго юбиляра приняли участіе всѣ петербургскія казенныя труппы, московская балетная, а также оркестръ и даже театральные плотники. Кромѣ вѣнковъ, Л. И. Ивановъ получилъ нѣсколько цѣнныхъ подношеній, въ томъ числѣ брилліантовый жетонъ отъ балетной труппы, и золотой съ брилліантовыми инициалами портсигаръ отъ публики. Самою же лестною для бенефицианта наградою долженъ несомнѣнно считаться пожалованный ему знакъ, дающій право на званіе заслуженнаго артиста. Для бенефиса Л. И. Иванова были поставлены во 2-й разъ балетъ „Эсмеральда“ и старинный одноактный комическій балетъ соч. Перро „Маркобомба“. Откровенно говоря, для такого выдающагося и знаменательнаго дня, какъ 50-ти-лѣтній юбилей заслуженнаго артиста, дирекція могла бы поставить и что-нибудь новенькое, не ограничиваясь одноактнымъ балетикомъ. Если для ежегодныхъ бенефисовъ нашей prima-балерины обыкновенно ставятъ у насъ новыя балеты, то, пожалуй, даже и непонятно, почему Л. И. Ивановъ, за полувѣковую свою службу, не заслужилъ большаго, какъ *второго* представленія бал. „Эсмеральды“.

Н. Ф.

* * *

Съ весны предполагается постройка театра въ мѣстности Лѣснаго корпуса. Мѣстечко, именуемое «Лѣснымъ», слишкомъ обширно, а по количеству населенія оно перещеголяетъ многіе губернскіе города, особенно съ тѣхъ поръ, когда масса петербуржцевъ, утомленныхъ вѣчными передрыгами съ зимними квартирами, стала селиться здѣсь и на зиму. Поэтому постройка зимняго театра въ этой мѣстности вполне цѣлесообразна, и мы не сомнѣваемся, что театръ здѣсь всегда найдетъ достойный контингентъ публики.

* * *

Подъ заглавіемъ „Актеръ или авторъ?“ мы получили слѣдующую замѣтку.

Въ ноябрьской книжкѣ «Русской Мысли» помѣщено письмо въ редакцію г. М. Кречетова, въ которомъ авторъ возражаетъ Г-ну, ведущему отдѣлъ названнаго журнала «О современномъ искусствѣ», и критикуетъ мѣры, предлагаемыя Г-иномъ для поднятія нынѣ упавшаго драматическаго искусства.

Таковыми мѣрами, по мнѣнію Г-ина, являются—уничтоженіе заѣвшей театръ рутины и опытные режиссеры. Противъ перваго средства авторъ письма ничего не имѣетъ, но второе онъ горячо оспариваетъ. Онъ увѣряетъ, что при хорошемъ и опытномъ режиссерѣ теряетъ драматическое искусство, теряетъ актеръ, зритель во время спектакля все время слѣдитъ за самой пьесой. Благодаря этому, выигрываетъ авторъ, но это, по мнѣнію г. Кречетова, не есть задача драматическаго искусства—тогда лучше взять книгу и прочесть пьесу. И онъ увѣряетъ, что «не режиссеръ душа дѣла, а гениальный актеръ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ категорически утверждаетъ, что сліяніе автора и актера на сценѣ немыслимо и что непременно кто-либо изъ нихъ долженъ уступить другому. Задача автора, такимъ образомъ, сводится къ возможной, смотря по своей талантливости, широтѣ образовъ.

Итакъ—актеръ или авторъ? Что либо одно.

Этотъ вопросъ, кажется, впервые, по крайней мѣрѣ, въ такой нетерпимой формѣ поднятъ въ литературѣ. По крайней мѣрѣ, это отношеніе автора къ актеру и наоборотъ, какъ къ заклятымъ врагамъ не могущимъ существовать вмѣстѣ—ново для меня.

Интересно было бы знать мнѣніе на этотъ счетъ самихъ заинтересованныхъ лицъ—актеровъ и авторовъ.

Мнѣ кажется, что самый вопросъ поставленъ неправильно и что авторъ письма сильно увлекается и далекъ отъ истины. Въ примѣръ онъ приводитъ игру гениальныхъ актеровъ, на примѣръ Росси. Онъ утверждаетъ не въ укоръ, а въ похвалу артисту, что, смотря его въ Гамлетѣ, мы видѣли не Гамлета

Шекспира, а Гамлета Росси. Но я увѣренъ, что самъ Росси, принимаясь за изученіе этой роли, вовсе не думалъ создать что-либо новое, свое, оригинальное—не похожее на игру другихъ артистовъ, а старался играть ее такъ, какъ написалъ Шекспиръ, конечно, сообразно своему пониманію. Всякое другое отношеніе артиста къ роли—было бы недобросовѣстнымъ и низводило бы искусство, съ его высокой задачей воплощать на сценѣ произведенія великихъ авторовъ—на степень простого зрѣлища, фокусничества. Сколько голосовъ—столько умовъ. Произведенія Шекспира на столько широки, что ихъ можно понимать съ различныхъ, зачастую совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія. Но эти точки зрѣнія имѣютъ цѣну только тогда, когда онѣ имѣютъ цѣлью стремленіе къ истинѣ, желаніе подойти возможно ближе къ пониманію самого автора, къ истинному смыслу художественныхъ произведеній. Всякое другое отношеніе къ произведеніямъ автора является бездушнымъ, безцѣльнымъ и недобросовѣстной игрой ума.

Въ доказательство, что хорошій и опытный режиссеръ совсѣмъ не нуженъ для процвѣтанія драматическаго искусства, а что для этого совершенно достаточно гениальнаго актера—г. Кречетовъ опять таки беретъ гастрольные спектакли Росси, пріѣзжавшаго съ ужасной труппой. Но эти спектакли вовсе не были торжествомъ драматическаго искусства вообще—они были торжествомъ игры *только одного* гениальнаго актера. Такъ относилась да и теперь относится къ гастрольнымъ спектаклямъ публика, Она шла въ театръ *смотреть не драматическое представленіе, а только игру одного актера* и, ужъ конечно, не слушала самую пьесу, а, скрѣпя сердце, *мирилась* съ плохимъ ансамблемъ. Безъ сомнѣнія, она бы охотнѣе посмотрѣла того же Росси въ хорошо сыгранной труппѣ, руководимой хорошимъ режиссеромъ, съ художественнымъ ансамблемъ. Можетъ быть, тогда потерялъ бы самъ Росси свой исключительный успѣхъ, который ему бы пришлось дѣлить съ другими артистами, но несомнѣнно выиграло бы искусство. А безъ служенія искусству—нѣтъ истиннаго артиста, какъ безъ служенія какой-либо идеѣ—нѣтъ истиннаго общественнаго дѣятеля.

Г. Кречетовъ, очевидно, не понялъ Г-ина. Конечно, безъ актеровъ режиссеру нечего дѣлать. Актеръ—это объектъ дѣятельности режиссера. Режиссеръ долженъ имѣть въ виду цѣли искусства и сдерживать и умѣрять самолюбіе актера.

И невзначѣмъ ставить этихъ трехъ дѣятелей драматическаго искусства—автора, режиссера и актера во взаимно враждебное отношеніе. Только благодаря ихъ дружной, совмѣстной и солидарной дѣятельности, можетъ вновь возродиться и процвѣсти драматическое искусство.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о взаимномъ отношеніи этихъ трехъ китовъ сцены—крайне интересенъ, и было бы не бесполезно услышать по этому поводу мнѣнія компетентныхъ и заинтересованныхъ лицъ.

А. Наровскій.

* * *

Въ Петербургѣ при домѣ трудолюбія для образованныхъ мужчинъ (Надеждинская, 17), открылось „бюро газетныхъ справокъ“. Цѣль бюро—снабжать общественныхъ дѣятелей, литераторовъ, артистовъ и пр. вырѣзками изъ всѣхъ русскихъ газетъ, заключающими въ себѣ свѣдѣнія по интересующимъ этихъ лицъ предметамъ. Подобныя бюро (Argus de la presse) уже давно существуютъ за границей.

* * *

† Г. В. Стрѣльскій (Молдавцевъ).

(См. № 49 «Т. и Иск.»).

Письма въ редакцію.

Милостивый Государь, г. Редакторъ! Не откажите помѣстить мое объясненіе къ письму г. Крылова, (помѣщенному въ № 48-мъ Вашего уважаемаго журнала). Прочтя это письмо, можно подумать, что я не ушла изъ труппы, а что пожелалъ этого г. Крыловъ—что и оскорбительно, и невѣрно. Дѣло происходило такъ: я была приглашена прѣхавшимъ ко мнѣ г. Крыловымъ вмѣсто г-жи Тарской, но не на ея ампула. Г-жа Тарская играетъ кокетокъ—а у меня хранится контрактъ, написанный рукою г. Звѣздича, въ которомъ мое ампула обозначено «характернымъ» съ жалованьемъ 125 р. Причемъ мною было заявлено, что играть специально кокетокъ я не буду, такъ какъ это ампула требуетъ туалетовъ, и 125 р., которые мнѣ предложили, не покроютъ расходовъ на нихъ. Тогда г. Звѣздичемъ былъ мнѣ показанъ намѣченный репертуаръ, въ которомъ кокетокъ за исключеніемъ Эммы Леопольдовны въ «Джентльменѣ»—не было.

Г. Крыловъ не присутствовалъ при подписаніи мною контракта и, вѣроятно, со словъ г. Звѣздича передаетъ въ своемъ «письмѣ» неточно, происходившій между нами разговоръ. Г. Крыловъ пишетъ, что г. Звѣздичъ *настоялъ* на моемъ приглашеніи—вещь возможная, такъ какъ въ день подписанія мною контракта (10-го сентября)—въ труппѣ были всего двѣ молодыя драматическія артистки г-жи Андросова и Колосова. Для втораго спектакля мнѣ была прислана третъестепенная роль въ пьесѣ «Рабы золота» (роль Гертруды) и на мой вопросъ г. Звѣздичу, почему мнѣ прислана такая роль—г. Звѣздичъ отвѣтилъ «такъ надо». Я возразила, что для такихъ ролей должны быть вторыя актрисы. Тѣмъ не менѣе г. Крыловъ, переговоривъ со мной, обѣщалъ мнѣ сдѣлать мое положеніе въ труппѣ болѣе опредѣленнымъ—давъ мнѣ для 4-го спектакля пьесу «Вольная пташка» или «Надо разводиться», но вмѣсто этого г. Звѣздичъ прислалъ мнѣ роль кокетки изъ «Золота» и вмѣсто всякихъ объясненій отвѣтилъ мнѣ, что я сама не знаю, чего хочу. Я сейчасъ-же вызвала г. Крылова и уже окончательно отказалась отъ службы, о чемъ въ тотъ вечеръ заявила дирекціи театра—въ лицѣ одного изъ ея представителей, генерала Вагнера. Вотъ истинная причина моего ухода изъ труппы г. Крылова.

При чемъ считаю долгомъ заявить, что все это произошло 23-го или 24-го сентября, а «несчастный случай» со мной 1-го ноября. Прошло слишкомъ много времени, чтобы инцидентъ имѣлъ къ этому какое нибудь отношеніе.

Примите и проч. Артистка Е. С. Плевинская.

Милостивый Государь, г. Редакторъ! «Ну, это объ жизни», такъ говоритъ одна очень милая, но немножко наивная актриса, когда заходитъ рѣчь о чемъ-нибудь постороннемъ, не имѣющемъ касательства къ театру, закулиснымъ сплетнямъ или къ послѣдней рецензіи подворотнаго листка. А если говорится «объ жизни» — то выводъ такой, что и слушать не стоитъ. Не знаю, получило ли слово «жизнь» на театральномъ жаргонѣ значеніе противоположности всему тому, что не есть «жизнь», т. е. театру, кулисамъ. Но, безъ сомнѣнія, если на языкѣ это искусственное раздѣленіе не получило себѣ выраженія, то въ чувствахъ, въ мысляхъ большинства оно существуетъ. Каждое ремесло, каждая профессія имѣетъ свои профессиональные интересы, иногда заслоняющіе другіе, но ни въ одной, мнѣ кажется, профессіи всякіе другіе интересы не приносятся въ жертву профессиональнымъ, такъ сказать, растворяются въ нихъ, какъ въ актерской средѣ. Кругомъ кипитъ жизнь, нарождаются новыя общественныя теченія, повергаются во прахъ старые идолы, а актеръ, какъ заблудившійся, бродитъ въ лабиринтѣ кулисъ и довольствуется смраднымъ, застоявшимся воздухомъ и искусственнымъ свѣтомъ блѣдно горящей рампы; когда кругомъ играетъ солнце, и вѣетъ свѣжестю необозримаго простора жизни. Какъ это ни странно, но служители искусства, которое больше другихъ питается отъ жизни, оторвались отъ жизни, такъ что едва-ли не считаютъ ее другою частью свѣта, что-то въ родѣ далекой Австраліи. Несчастіе нашего актерства и нашего сценическаго искусства заключается именно въ этомъ, въ этой отчужденности отъ жизни, въ этомъ «переизлишкѣ» актерства, убивающей человѣческую сущность.

Все это пришло мнѣ въ голову, по поводу «актерскихъ субботъ», задуманныхъ г. Разсудовымъ и долженствующихъ, по его мнѣнію, переродить актерское сословіе: «Артистъ долженъ быть гражданиномъ, и не только называться, но и быть имъ»,—вотъ основная цѣль затѣи г. Разсудова. Золотыя слова! Прекрасная затѣя! Но дальше, идѣ то средство, которое воспитаетъ хорошихъ гражданъ и сблизитъ театръ съ жизнью? Увы, чтеніе рефератовъ, по вопросамъ искусства, декламация начинающихъ актеровъ и, какъ идеалъ, завершающій гражданское образованіе—одна рюмка водки—какъ изъ всего этого получится «гражданственность»? По моему, эти субботы будутъ, какъ двѣ капли воды, похожи на остальные дни, тѣ же

разговоры, тѣ же сплетни, тѣ же интриги. Ибо кругъ интересовъ, который предлагается для «субботъ» все тотъ же старый, актерскій. Такимъ образомъ, никогда не выйдешь изъ заколдованнаго круга, и это гомеопатическое лѣченіе ни къ чему не поведетъ. Расширьте свои интересы, господа, хоть на нѣсколько часовъ въ недѣлю. Попробуйте окунуться въ «жизнь», идите въ люди, изучайте жизнь, бросьте привычку ничего не читать кромѣ театральныя рецензій, работайте, думайте... Скажутъ, пожалуй, что это прописныя истины и что все это легче говорится, чѣмъ дѣлается. Правда, но вѣдь напрасно думать, что гражданственность легко дается,—нѣтъ, ее надо завоевать долгой, упорной работой. А вечера, почему имъ не быть? Только, гораздо больше пользы отъ нихъ было бы, если бы они посвящены были какимъ угодно вопросамъ, лишь бы не театральнымъ. Г. Разсудовъ предлагаетъ штрафы за опозданія на репетиціи, — я съ своей стороны, предложилъ бы установить штрафы съ тѣхъ, кто въ вечера, посвященные «жизни», будетъ заводить театральные разговоры

Примите и проч.

Молодой актеръ.

Музыкальныя замѣтки.

Четвертое квартетное собраніе произвело несравненно лучшее впечатлѣніе, нежели предыдущее. Для начала исполненъ былъ квинтетъ Брамса, который можно отнести къ разряду интересныхъ произведеній этого, вообще, скучноватаго композитора. Лучшая его часть *adagio* съ очень красиво написанной партіей кларнета. Къ сожалѣнію, въ средней части *adagio* чувствуется нѣкоторая растянутасть, повторающіеся перебивы кларнета совершенно излишни; это вноситъ досадную банальность, вредящую цѣлому. Въ высокой степени интересны въ этой части комбинаціи первой скрипки и кларнета. Коротенькая фразочка-тема передается очень тонко и изящно; перебивна инструментовъ даетъ разнообразіе въ колоритѣ и устраняетъ монотонность. Коротенькое *andantino* (III ч.) имѣетъ нѣсколько скомканный характеръ, а слѣдующее за нимъ *presto un assai*, *ma con sentimento* довольно безцвѣтно и написано съ приемами оркестроваго произведенія. Голоса квинтета ведены слишкомъ широко и темнятъ другъ друга, четвертая часть интересна въ разработкѣ темы, но сама тема не изъ блестящихъ. Но въ этой четвертой части высказался недостатокъ кларнетной партіи всего квинтета. Кларнету было столько работы, что строй его въ послѣдней части совершенно не сходился со струнными. Отъ продолжительной работы въ первыхъ трехъ частяхъ онъ нагрѣлся и къ концу квинтета чувствовалась пренебрежительная разниа въ строѣ.

Квартетъ для фортепіано, скрипки, альты и виолончели — Форэ произвелъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Произведенія этого автора мнѣ лично совершенно не знакомы и о степени его дарованія могу судить лишь по слышанному квартету. У г. Форэ основательное знаніе формъ и инструментовъ. Въ употребленіи послѣднихъ авторъ высказываетъ много изящества и самостоятельности. Мелодія у него красива и проста, развитіе ведено умно, безъ банальности и съ немалою изобрѣтательностью. Слабѣйшими частями, квартета на мой взглядъ, оказались *allegro* I-ой части и *adagio* III-ей. *Allegro* написано слишкомъ низко, а поэтому многіе замыслы автора остаются ступенчатыми. Партія альты черезчуръ громоздка по отношенію къ скрипкѣ, а фортепіано слишкомъ массивно звучитъ по отношенію къ своимъ партнерамъ. Въ гармоническомъ отношеніи эта часть очень красива и слушается съ удовольствіемъ. *Adagio* мнѣ показалось тусклымъ и ритмически однообразнымъ, какъ-то въ немъ мало движенія, оно холодно и не подходитъ къ горячему темпераменту автора въ прочихъ частяхъ. Быть можетъ, впрочемъ, это вина исполнителей.

Мнѣ очень понравилось прелестное *scherzo*. Пичикато вноситъ въ него массу граціи и красиваго блеска. Еще лучше и законченнѣе написано заключительное *allegro molto*. Въ немъ нѣтъ ни длинотъ, ни излишнихъ повтореній, которыя частенько встрѣчаются въ быстрыхъ темпахъ у квартетистовъ. Отъ начала до конца это *allegro* проведено интересно. Вообще, квартетъ этотъ носить отбѣнокъ свѣжаго дарованія, Отъ него повѣяло славной,

сильной молодостью. Было бы интересно узнать поближе этого автора. Въ заключеніе исполненъ былъ квартетъ Бетховена, пр. 95, f—moll, посвященный Домановцу. Тональность первой части квартета характерна своимъ непостоянствомъ. Тема колеблется между fa миноромъ и re—бемолемъ, тональностью, крайне неудобной для струнныхъ инструментовъ. Здѣсь замѣтны впервые тѣ переходы изъ тона въ тонъ безъ подготовки, которые впоследствии Бетховенъ употреблялъ весьма часто. Такъ, напр., въ 5 и 6-мъ тактахъ переходъ изъ do мажора въ sol бемоль; въ 37 и 38 тактахъ—изъ la бемоля въ la мажоръ. Приѣмъ неслыханный и невиданный до него, приѣмъ, который былъ въ состояніи привести въ бѣшенство Альбрехтсбергера, такъ какъ въ его тетрадкахъ указаній на подобные пассажи не имѣлось. На 24-мъ тактѣ начинается безсмертная re—бемольная тема,—это одна изъ тѣхъ дивныхъ мелодій, которая пѣла по временамъ истомленная душа несчастнаго Бетховена.

Вторая часть полна глубокой скорби. Она начинается выразительными тремя тактами у виолончели соло. Они полны грусти и характеризуютъ въ allegretto; это какъ бы заглавіе части. Слѣдующіе тридцать одинъ тактъ—торжество Бетховенскаго генія! печальная, трогательная мольба, которую почувствуетъ каждый, знакомый съ жизнью великаго автора. За ней поднимается чудесная дуга, разрастающаяся и снова стихающая, чтобы дать мѣсто прежнему настроенію, которое неожиданно смѣняется шумнымъ фантастическимъ, блестящимъ смѣлыми штрихами скерцо. Финалъ подготовленъ семью тактами патродукцій—одинъ изъ любимыхъ приѣмовъ Бетховена. Эта заключительная часть въ высокой степени драматична. Оригинальна и загадочна стретта (въ четырехъ четвертномъ ритмѣ) въ fa мажорѣ, заканчивающаяся квартетъ. Это грандіозный контрастъ съ интродукціей.

Исполненъ квартетъ былъ прекрасно, какъ и вся программа. Ощущался лишь нѣкоторый разладъ въ стреттѣ IV части Бетховенскаго квартета.

Между прочимъ, меня просили заявить пожеланіе услышать нѣсколько русскихъ квартетовъ молодыхъ композиторовъ. Дѣлаю это тѣмъ охотнѣе, что самъ присоединяюсь къ этому пожеланію. Вообще, нужно замѣтить, что видѣть афиши о русскомъ симфоническомъ вечерѣ, о русскомъ квартетѣ какъ-то странно. Уже ли же русскіе композиторы могутъ попасть на афиши Императорскаго русскаго музыкальнаго общества только въ видѣ исключенія или за выслугу лѣтъ?

Проѣздомъ изъ Москвы 2 декабря г-нъ Систерманъ далъ свой концертъ. Пѣвецъ обладаетъ пріятнымъ басомъ—сап-тапо и владѣетъ имъ очень хорошо. Голосъ не блещетъ свѣжестью, но металличенъ и достаточно гибокъ. У артиста хорошая музыкальность и солидная опытность, приходившая, отъ времени до времени, на подмогу въ затруднительныхъ

случаяхъ, въ виду высокой тесситурѣ нѣкоторыхъ романсовъ программы.

Изъ исполненныхъ романсовъ нѣкоторые были новинками для публики, нѣкоторые—относительно мало извѣстными. Изъ нихъ красивъ, интересенъ и съ настроеніемъ ром. Kahn'a «Anmuthiger Vertrag» и хорошъ романсъ Strauss'a—Traum durch die Dämmerung. Прочіе же слашавы и неинтересны.

Г-нъ Систерманъ хорошо поетъ Шумана и Шуберта. Хорошо потому, что поетъ просто и осмысленно, не углубляясь въ отыскиваніе какого-то необыкновеннаго стиля композиторовъ, весь стиль которыхъ заключается въ выполненіи тѣхъ указаній, которые

намѣчены авторами, въ соблюденіи ритма да въ ясной дикціи.

Въ концертѣ приняла участіе молодая пианистка, она же аккомпаниаторша. Играла она какую-то какофонію и терзала Шопена. Лучше бы было ограничиться ролью аккомпаниаторши.

Концерты пианиста г. Гофмана (3 и 8 декабря) привлекли огромную толпу въ обширный залъ дворянскаго собранія, жестоко, кстати сказать, обезображенного нелѣпой постройкой. Юный концертантъ имѣлъ грандіозный успѣхъ и неутомимо съ поразительной свѣжестью силъ, игралъ по выполненіи программы цѣлую серію нумеровъ, которыхъ хватило бы на цѣлый концертъ.

Я слышалъ г. Гофмана, когда онъ еще въ первый разъ появился въ симфоническомъ концертѣ въ дворянскомъ собраніи. Что тогда поразило всѣхъ въ неизвѣстномъ еще виртуозѣ? Великолепная сильная техника, отчетливая и блестящая и еще что-то de je ne sais quoi, что отличало его уже тогда отъ всѣхъ пианистовъ съ прекрасной и сильной техникой, имъ же имя легионъ. Это что-то въ его игрѣ тогда лишь мелькало по временамъ и съ трудомъ поддавалось уразумѣнію. Съ тѣхъ поръ прошло уже много дней, безплодно

пережитыхъ талантливымъ артистомъ. За это время достигнуты колоссальные результаты, добытые, надо полагать, усидчивымъ трудомъ. Многое, что было лишь намѣчено, что блещало отъ времени до времени, появилось теперь во всемъ обаяніи чудесной художественной красоты. Слушая съ восторгомъ въ теченіе двухъ вечеровъ игру этого блестящаго артиста, мнѣ удалось уяснить себѣ особенность его дарованія.

Это—творческая сила, наполняющая каждое исполняемое имъ произведеніе. Даже музыкантъ-любитель старается придать исполняемому произведенію настроеніе. Но въ этомъ настроеніи и заключается частица творчества субъективнаго, которое ищетъ согласія съ творческой силой композитора, создавшей произведеніе. У крупныхъ артистовъ это настроеніе переходитъ въ широкое самостоятельное творчество, которое при томъ всегда остается чуткимъ къ творческой силѣ исполняемаго композитора. Въ результатѣ получается дивное

«Театральные силуэты».

Рис. Л. Бакста.

слияніе двухъ силъ. Понятно тогда, что выдающійся артистъ совершенно ясно видитъ и понимаетъ индивидуальность композитора, которая для большинства артистовъ остается загадкой. И чѣмъ великолѣпнѣе композиторъ, чѣмъ глубже мысль пробудившая въ немъ творческія силы, тѣмъ рѣже и труднѣе услышать правильное и совершенное его пониманіе. Я былъ совершенно правъ, говоря въ одной изъ предшествовавшихъ статей, что г. Гофману слѣдуетъ взяться за толкованіе и передачу Чайковскаго, котораго фортепіанныя произведенія игнорируются именно вслѣдствіе трудности уяснить себѣ ихъ чудесныя мысли. Г. Гофманъ сыгралъ сонату Чайковскаго на первомъ концертѣ. Для всѣхъ это было какое-то откровеніе, отъ котораго пришли въ священный трепетъ. Нѣтъ словъ передать, какъ она была сыграна. Нѣтъ словъ описать тѣ великолѣпныя штрихи и богатыя краски, которыми была выяснена, наконецъ, эта гениальная соната. Я могу сказать, «нынѣ отпущаеши». Не перемѣняя содержанія программъ обоихъ концертовъ, скажу лишь, что на первомъ концертѣ послѣ Чайковскаго глубокое впечатлѣніе произвело исполненіе произведеній Шопена. Прелестно въ г. Гофманѣ то, что среди сочиненій Шопена, заиграннаго и очень часто скучнаго, онъ умѣетъ находить орудія, мало популярныя, оставленныя въ сторонѣ, пожалуй, опять потому, что понять ихъ не сумѣли. Когда г. Гофманъ игралъ на второмъ концертѣ Шумана, онъ во многомъ напомнилъ передачу этого автора покойнымъ Рубинштейномъ, въ особенности въ чудесномъ «Aufschwung». Тѣ же мощныя, властныя «броски» руки и тотъ же великолѣпный подъемъ.

Образцово была сыграна соната ор. 110 Бетховена. Тридцать первая изъ тридцати двухъ сонатъ, она принадлежитъ къ наиболѣе зрѣлой порѣ творческой дѣятельности Бетховена. Г. Гофманъ прекрасно представилъ «грандіозность» печали Бетховена. Contabile сонаты создало у него роскошное, строгаго стиля преддверіе къ величественному, мрачному зданію. И оно поднималось все выше и все величественнѣе...

На обоихъ концертахъ г. Гофманъ игралъ свои сочиненія. Въ нихъ есть несомнѣнно всѣ признаки хорошаго дарованія, но и произведенія эти еще незакончены и невыдержаны. По мелодичности, оригинальности и выдержанности, я поставлю на первое мѣсто миленькую sérénade slave; слѣлана она красиво и въ ней выдержанъ славянскій ладъ, что дѣлаетъ честь молодому композитору. Плоха его scène de ballet, въ ней слишкомъ много притязаній на грубый эффектъ. Число труднѣйшихъ этюдныхъ пьесъ увеличивается написанной Гофманомъ легендой для лѣвой руки. Слѣлана она удачно.

Въ среду, 14-го, г. Гофманъ даетъ свой послѣдній концертъ, который, надо полагать, соберетъ такую же массу публики. Жалко, что весьма многіе изъ учащихъ въ музыкальных школахъ и консерваторіи не въ состояніи послушать игру этого выдающагося пианиста. Гофманъ слѣлалъ бы доброе дѣло, если бы далъ возможность послушать себя исключительно трудящейся музыкальной молодежи.

Въ общемъ, слѣдуетъ замѣтить, что покидаешь залъ, гдѣ игралъ Гофманъ, подъ дивнымъ впечатлѣніемъ; обширная программа не утомляетъ, потому что каждый номеръ ея это новый и свѣжій приливъ творчества, а не сухое, аккуратное выполненіе техническихъ трудностей. Г. Гофманъ близокъ къ совершенству, трудная дорога къ которому проложена, остается лишь сгладить нѣкоторыя неровности. Пожелаемъ же молодому пианисту сохранить въ себѣ любовь къ труду и силы. Впереди его ждетъ блестящая будущность и громкая слава, но пусть не опьяняютъ его нынѣшніе ранніе успѣхи: они часто бываютъ гибельны.

Б. М. Соловьевъ.

Театральныя замѣтки.

Пьеса П. Д. Боборыкина „Накипь“ принята благосклонно публикой и критикой. Комедія первоначально называлась „Повѣтріе“, и названіе авторъ измѣнилъ вслѣдствіе совпаденія съ повѣстью „Повѣтріе“ г. Авенаріуса, написанною въ 60-хъ годахъ. Это—повѣсть, давно забытая и едва ли многимъ теперь извѣстная. Случайно она мнѣ врѣзалась въ память. Повѣсть—нѣчто вродѣ „Некуда“ Стебницкаго-Лѣскова, злой памфлетъ на зачинавшееся нигилистическое движеніе, которое въ ту пору имѣло лишь характеръ увлеченія матеріалистической философіей и утилитаризмомъ. Совпаденіе пьесы г. Боборыкина и повѣсти Авенаріуса не въ одномъ заглавіи. Есть кое-что родственное и въ самомъ построеніи, хотя, безъ сомнѣнія, г. Боборыкинъ едва ли даже подозрѣвалъ о существованіи повѣсти

Авенаріуса. У Авенаріуса герой—лохматый и нечесанный, съ руками, окровавленными медицинскими препаратами—говоритъ нѣжной Наденькѣ, сбитой съ толку свистопляской матеріализма: „плодъ созрѣлъ—пора ему сорваться съ вѣтки“. Въ пьесѣ г. Боборыкина имѣется афоризмъ, заимствованный у Ницше: „по ту сторону добра и зла“. Какъ въ повѣсти, такъ и въ пьесѣ, жертвой „Повѣтрія“ является молодая дѣвушка, которая, однако, къ концу освобождается отъ чаръ лжеученій и вступаетъ на путь добродѣтельной жизни, которая въ то же время есть жизнь консервативная.

Сходство, впрочемъ, этимъ и ограничивается, и если я указалъ на него, то потому, что оно не наружное, а внутреннее. Можно видѣть въ новыхъ вѣяніяхъ наносное повѣтріе, что-то вродѣ моровой болѣзни, которую надуло вѣтромъ, но которая пройдетъ безъ слѣда, и жизнь мирно потечетъ по своему установившемуся пути. „Накипь“—понятіе болѣе сложное и серьезное. Накипь создается внутреннимъ броженіемъ, процессами органическими и въ то время, какъ жизнь идетъ своимъ чередомъ, на поверхность выбрасываются пузыри и пѣна. Но не обращайтесь на нихъ вниманія: они улягутся, а то цѣнное, что добыто внутренними процессами, войдетъ въ строй жизни и дастъ ей обновленіе, безъ котораго немислимо развитіе.

Мнѣ симпатичнѣе второе толкованіе. Хотѣлось бы думать, что г. Боборыкинъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ нашихъ писателей, понимаетъ, что новѣйшія теченія философской мысли и искусства заключаютъ въ себѣ не одно праздное и произвольное измышленіе; что ницшеанство, старающееся поднять уснувшій и притихшій индивидуализмъ, полно глубокаго смысла и значенія; что декадентская живопись есть законная реакція противъ „зализанности“ академическихъ формъ; что символизмъ въ поэзіи есть—протестъ противъ надоедливой прозы современнаго реализма. Жизнь есть вѣчное движеніе, вѣчное исканіе новыхъ формъ. Чуткій человѣкъ, съ чуткой совѣстью и мыслью, мечется изъ стороны въ сторону, и стремится непремѣнно къ абсолютному и никогда недостижимому. Быть „по ту сторону добра и зла“—не сразу захотѣлось. До этого окончательнаго вывода, мысль не мало пострадала, устраиваясь то такъ, то этакъ, по сую сторону добра и зла, и стараясь найти истинное мѣрило добраго и злого. Но эта мѣра вещей, въ трагическихъ столкновеніяхъ жизни, слишкомъ часто ускользаетъ отъ современнаго человѣка.

Я—не ницшеанецъ, не декадентъ и не символистъ. Но то, что заставляетъ меня относиться съ терпимостью ко всѣмъ этимъ движеніямъ мысли и искусства, заключается въ томъ, что вѣдь наше философское и эстетическое „правовѣріе“ нельзя сказать, чтобы давало намъ полное удовлетвореніе и не вызвало никакихъ сомнѣній. Всякій разъ, какъ въ литературѣ—а еще болѣе, конечно, въ жизни—дѣлается попытка начертать положительный идеалъ по „ую сторону добра и зла“,—мы непремѣнно наталкиваемся или на недосказанность, или на банальность. Помните, въ „Золотѣ“ Вл. Ив. Немировича-Данченко, Валентину, старающуюся, въ добротѣ души, распорядиться своими милліонами? Что же выходитъ? Благотворить надо, но не очень, такъ, чтобы глупо не было. А если человѣка не удовлетворяетъ полумѣра, что тогда? Въ своей комедіи г. Боборыкинъ самъ даетъ примѣръ недосказанныхъ идеаловъ устроенія жизни „по сую сторону добра и зла“ въ лицѣ Ольги, увлекавшейся сначала безсознательно декадентствомъ, потомъ разочаровавшейся въ своемъ мужѣ и искренно полюбившей честнаго, по

«Накипь» П. Д. Боборыкина.

Кн. Ольга въ 1 актѣ.

быть, „правовѣріе“ совсѣмъ уже не такъ утѣшаетъ. Да и въ чемъ это правовѣріе? Въ качествѣ противоположенія декадентствующимъ „эготистамъ“, г. Боборыкинъ рисуетъ намъ, между прочимъ, упомянутого уже выше Воробьина. Какъ можно заключить изъ разныхъ мѣстъ пьесы, онъ снаряжаетъ отрядъ въ застигнутыя неурожаемъ и болѣзнями деревни, да и самъ, кажется, туда ѣдетъ. Такъ неужто этимъ исчерпываются идеалы „альтруизма“? Т. е. отъ милліоновъ своихъ Воробьинъ взялъ малую часть и отослалъ въ деревню, едва ли нарушивъ свой комфортъ, и отъ богатствъ души своей, столь пылко увлекающей чужой, хотя и прекрасной женой, удѣлилъ самую малую часть на состраданіе голоднымъ и недугующимъ. Если смотрѣть на нравственный идеалъ жизни не какъ на компромиссъ возможнаго и желательнаго, любви и самосохраненія, стяжанія и благостыни, но какъ на цѣлостное, безусловное начало, то, очевидно, что съ этой точки зрѣнія, Воробьины и иные не болѣе, какъ средніе люди, которые ни образцами, ни прототипами служить не могутъ. Это — обычное наше половинчатое существованіе, ни да, ни нѣтъ, ни два, ни полтора. Стало быть, теоретически провозглашеніе истины „по ту сторону добра и зла“ имѣетъ за собою преимущество ясности и опредѣленности. Двѣ системы, два начала борются между собою: все для цѣлаго, ничего для себя — говорятъ одни; все для себя, ничего для цѣлаго — говорятъ другіе. А немножко для цѣлаго, да побольше для себя — какъ будто, и совсѣмъ не система.

Итакъ, мнѣ кажется, кто дастъ себѣ трудъ подумать,

пойметъ, что въ ницшеанствѣ, въ возстаніи гордыни человѣческаго духа, заключается логическое завершеніе извѣстнаго принципа, съ которымъ если и можно бороться, то только принципомъ противоположнымъ, а никакъ не тѣми полу-принципами, которые можно охарактеризовать щедринскимъ: „и такъ хорошо, и этакъ недурно“. Слѣдовательно, г. Боборыкинъ въ своей пьесѣ не сразилъ ни ницшеанства, ни декадентства, но осмѣялъ лишь, съ большимъ остроуміемъ, „накипь“ пошлости, которой жизнь не замедлила покрыть поверхность новыхъ теченій. Какъ странно было бы судить о значеніи матеріалистической философіи по герою повѣсти Авенариуса, обольщающему дѣвушку афоризмами, вроде „плодъ созрѣлъ — пора ему сорваться съ вѣтки“, такъ точно странно судить о Ницше по адюльтеру, который совершаетъ милліонерша Воробьина и художникъ Переверзевъ, собираясь переправиться „по ту сторону добра и зла“. Несомнѣнно, что, и не переправляясь на ту сторону, они дѣлали бы то же. Несомнѣнно, что, будучи не декадентомъ, а академикомъ во вкусѣ Бугро, художникъ Переверзевъ жилъ бы на чужой счетъ и слегка занимался бы альфонсизмомъ. Несомнѣнно, что, называя адюльтеръ „избирательнымъ сродствомъ“, Воробьина ни мало не измѣнила сущности своей натуры. „Избирательное сродство“ теперь „свобода чувства“, во время жоржъ-зандистокъ и „милыхъ поклонницъ свободы“, „обмѣнъ веществъ“, въ эпоху нигилизма — не все ли это равно, въ концѣ концовъ?

Какъ комедія сатирическаго характера, направленная противъ декадентской пошлости, пьеса г. Боборыкина займетъ въ новѣйшей драматической литературѣ почетное мѣсто. Она остроумна, язвительна, живописна. Первый актъ вводитъ насъ въ салонъ госпожи Мосеевой, гдѣ все дышитъ послѣднимъ словомъ моды. Декадентская живопись, „шасонне“, оркестръ балалаечниковъ. Сама Мосеева сохраняетъ, несмотря на моду и декадентщину, прямую и очевидную связь съ дамами Китай-города, о которыхъ г. Боборыкинъ уже писалъ. Княжна Ольга совершенно сбита съ толку декадентскими ученіями, и

«НАКИПЬ» П. Д. БОБОРЫКИНА.

2 актѣ. Переверзевъ и Воробьина.

Рис. А. Ростиславова.

когда дядя, тоже изъ китай-городцевъ, но съ большимъ запасомъ здраваго смысла, ей привозить въ подарокъ картину, написанную, какъ надо полагать, въ манерѣ передвижниковъ, она съ сожалѣніемъ качаетъ головой и говоритъ: „ахъ вы не... въ движеніи“ — „vous n'êtes pas dans le mouvement“. Дальнѣйшее теченіе интриги, болѣе или менѣе, должно быть ясно читателямъ изъ предыдущаго. Ольга выходитъ замужъ за художника-декадента, который велъ себя довольно смирно, пока Мосеева платила пенсію, но Мосеева скоро бросается въ другое теченіе. Вотичели—это уже vieux jeu, и nouveau jeu — Микель-Анджело. Тогда Переверзевъ очень быстро переправляется „по ту сторону“ съ Воробьиной и т. д. Въ послѣднемъ актѣ, когда добродѣтельный альтруистъ Воробьинъ дѣлаетъ декларацію Ольгѣ, отворяется дверь и появляется связанная избирательнымъ сродствомъ парочка—Воробьина и Переверзевъ. Слѣдуетъ очень забавная сцена: Переверзевъ дѣлаетъ видъ, что негодуетъ, но потомъ хохочетъ. „Вѣдь это — chasse-croisée!“ подхватываетъ Воробьина. Они помѣнялись мужьями—чего проще?

Очевидно, что г. Боборыкинъ изображаетъ не декадентовъ и не ницшеанцевъ, а молодыхъ повѣст и распущенныхъ дамъ, которые прикрываютъ свои проказы модной терминологіей. Это — столь ясно, что совершенно напрасно г. Волынский, считающій себя главноуполномоченнымъ Ницше—для всей Россіи, дѣлаетъ видъ, что негодуетъ на г. Боборыкина. Всякое убѣжденіе, всякій взглядъ, всякая теорія имѣютъ право на уваженіе, разъ они выстраданы. Но нѣтъ такой истины, такой мудрой философіи, нѣтъ такихъ симпатичныхъ взглядовъ, которые бы не становились пошлыми, когда они возглашаются мертвыми или еще хуже,—лживыми устами. Пошлая накипь декадентства, накипь пошлости на ницшеанствѣ—вотъ что, вѣроятно, хотѣлъ изобразить г. Боборыкинъ. Я даже увѣренъ, что именно это онъ хотѣлъ изобразить, а не что другое. Г. Боборыкинъ слишкомъ умный и просвѣщенный авторъ, и понимаетъ, что альфонсъ, содержанецъ, пошлякъ, подъ какими соусами ни подавай ихъ, все будутъ альфонсами, содержанцами и пошляками. И единственный выводъ, который можно отсюда сдѣлать, это — что въ декадентскихъ кличкахъ и афоризмахъ можно найти отличный туалетъ для пошлыхъ и низменныхъ стремленій. Но мы видѣли выше изъ повѣсти Авенариуса, что матеріалистическая философія и „мыслящій реализмъ“ привели въ свое время къ совершенно такимъ же результатамъ, только съ другого конца.

Ограничивъ свою задачу изображеніемъ пошлости, прикрывающейся декадентствомъ, г. Боборыкинъ, естественно сѣзнулъ рамки своего произведенія. Если бы задачей его было прослѣдить тѣ опустошенія нравственной природы, которыя, будто бы, производитъ ницшеанство, тогда ему пришлось бы вывести не однихъ пошляковъ и прохвостовъ, но и людей порядочныхъ, зараженныхъ язвой эгоизма. Онъ бы показалъ намъ всю безплодность этого ученія, весь холодъ, который оно вноситъ въ человѣческую душу, всю безотрадность себялюбія, на какихъ бы философскихъ высотахъ оно ни находилось. Тогда это было бы поучительно. Но, очевидно, г. Боборыкинъ сражался совсѣмъ не съ ученіемъ Ницше и не съ новыми теченіями въ искусствѣ, а только съ мелкими и дрянненькими людьми, присосавшимися къ новымъ теченіямъ. Эту задачу онъ выполнилъ съ большимъ искусствомъ, и, какъ легкая сатирическая комедія, „Накипь“ смотрится съ большимъ удовольствіемъ.

Распределеніе ролей въ пьесѣ г. Боборыкина нельзя считать удачнымъ. Декадентствующая парочка нашла

въ лицѣ г-жи Потоцкой и г. Юрьева неподходящихъ исполнителей. На Александринской сценѣ все чаще и чаще, увы, я замѣчаю нарушеніе амплуа при распределеніи ролей. Амплуа—установленіе традиціонное, и хотя подчасъ оно мѣшаетъ художественному ансамблю, но все-таки „амплуа“ есть система. Это, во всякомъ случаѣ, лучше, нежели отсутствіе всякой системы. Роль Воробьиной вездѣ будетъ играть grande coquette, и это лучше, чѣмъ если роль станетъ играть самая талантливая ingénue. Г-жа Потоцкая всѣ роли играетъ, болѣе или менѣе по одинаковому шаблону. Она не дала и не могла дать этой новой, усовершенствованной разновидности „китай-городской“ дамы. Говорятъ, роль предназначалась г-жѣ Мичуриной, но почему-то она была у нея отнята. Г. Юрьевъ былъ какъ-то черезчуръ молодъ и простъ для Переверзева. Въ немъ не хватало шику фата—того шику, который вносилъ въ эти роли г. Далматовъ, шику учтивости, блеска и ума, подъ которыми никогда не чувствовалось сердце.

И г-жа Коммиссаржевская не вполне удовлетворила меня. Въ роли Ольги я вижу три стадіи, три круга, проникнутые тремя настроеніями. Первая стадія—наивный лепетъ ребенка, ослѣпленнаго красивыми словами и лоскомъ декадентства. Вторая стадія—личная драма, отодвигающая, мало-по-малу, фразы на задній планъ, третья стадія—ликвидация прошлаго и та лихорадка смутнаго броженія, которая въ результатѣ должна дать новое міросозерцаніе. Г-жа Коммиссаржевская сосредоточила все вниманіе на второй стадіи, не обративъ вниманія на прочія.

Эпизодическія роли были прекрасно исполнены г-жами Дюжиковой I, Абариновой и г. Ленскимъ.

А. К—ель.

ПАСЖРОЛЕРЪ.

(Разсказъ).

(Продолженіе *).

II.

Городъ (вписано) Широкий Баръ. Проѣздомъ черезъ здѣшній городъ извѣстный артистъ

В. В. ГРОМЫХА И ТРОМБОНСКІИ

и его труппа въ воскресенье, 19-го декабря 189* г., будутъ имѣть честь дать только одинъ спектакль.

Представлено будетъ

„РАЗБОЙНИКИ“

трагедія знаменитаго драматурга Шиллера въ 5 д. и 6 картинахъ.

Дѣйствіе I.

Братъ—Иуда-предатель.

Дѣйствіе II.

Развратные молодые люди.

Дѣйствіе III.

Кровавый замыселъ или отцеубійство.

Дѣйствіе IV.

Богемскіе лѣса, логовище тигра или притонъ страшныхъ разбойниковъ и ихъ атамана. За мной, друзья!..

Дѣйствіе V.

Божья кара или удавленникъ и пожаръ.

Дѣйствіе VI.

Кровавая развязка или убійство возлюбленной Моора отъ его руки.

*) См. № 49.

Въ V дѣйствіи артистъ Громыхай-Тромбонскій повѣсится на глазахъ у публики при освѣщеніи бенгальскимъ огнемъ.

Костюмы и декорации по рисункамъ парижскихъ театровъ.

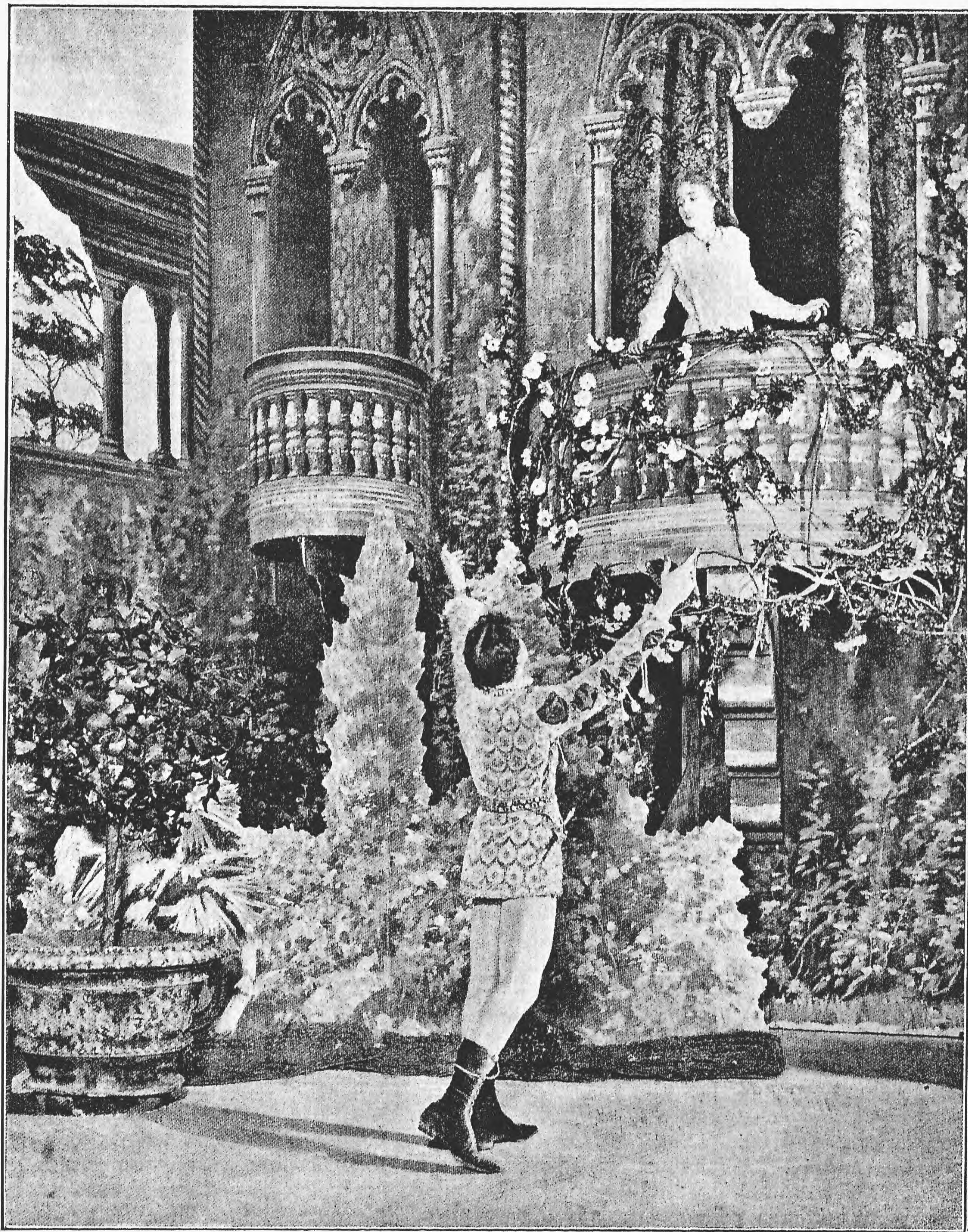
Въ пьесѣ участвуетъ вся труппа.

Представленіе состоится (вписано) въ зданіи развѣзжаго дома жены купца Ривки Наземанъ, на Поли-

Затѣмъ, слѣдовало обозначеніе цѣны на мѣста и приглашеніе на заблаговременную запись въ магазинъ Карла Ивановича.

Афиша появилась въ количествѣ 10 экземпляровъ. Однѣ были расклеены на заборахъ, другія на особо-устроенныхъ щитахъ.

Афиша въ Широкомъ Бару было — явленіе столь необычайное, что буквально цѣлая толпа собиралась передъ каждымъ листомъ и глазѣла, хотя большин-

«Ромео и Джульета» въ «Empire-Teatre» въ Нью-Йоркѣ. Актъ II, сцена 3-ья.

Гастроли новой американской звѣзды Модъ Адамъ.

цейской улицѣ. Буфетъ въ отдѣльной залѣ съ разнообразными закусками. Бальный оркестръ подъ управленіемъ Шмуля Бермута будетъ все время играть модные вальсы и музыку серьезную. Имя **Громыхай-Тромбонскаго** давно уже пользуется громкой извѣстностью на всю Россію, почему онъ и рассчитываетъ, что почтеннѣйшая публика отнесется къ его гастролямъ съ должнымъ вниманіемъ.

ство, по неграмотности, ровно ничего не могло понять, пока какой-нибудь чиновникъ, писарь или приказчикъ не разъяснялъ ей сокровеннаго смысла „бумаги“.

Между тѣмъ, Громыхай съ неослабѣвающей энергіей носился по „городу“, устраивалъ сцену, набиралъ статистокъ, рекламировалъ, словомъ, суетился съ утра до ночи. Главнымъ затрудненіемъ было, разумѣется, устройство сцены. Становой довольно предупредительно предлагалъ Громыхаю два обширныхъ

сарая, но такъ какъ на дворѣ стояло до 20° мороза, то гастролеръ благоразумно сообразилъ, что при такой температурѣ врядъ ли кто рѣшится смотрѣть, какъ онъ повѣситъ, хотя бы и освѣщенный бенгальскими огнями. „Но Громыхай не потерялся. Онъ успѣлъ увѣрить Ривку Наземанъ, что устройство спектакля въ ея корчмѣ принесетъ ей громадную выгоду: во-первыхъ, сразу выдѣлится корчму изъ ряда другихъ, во-вторыхъ, продажей водокъ, закусокъ, чая и т. п. она выручитъ одновременно хорошія деньги.

Ривка сдалась. Громыхай немедленно приступилъ къ превращенію корчмы въ храмъ Мельпомены.

Представьте себѣ длинный сарай съ широкими воротами по концамъ; направо и налево отъ однихъ воротъ идутъ двери въ „комнаты“ или номера: это помѣщеніе для людей, оно занимаетъ половину сарая, дальше идутъ стойла для лошадей, тамъ же нагромождены телѣги, брички, сани, хомуты, дуги, ведра съ дегтемъ и т. п. Все зданіе крыто черепицей, по обыкновенію разбитой, такъ что крыша представляетъ сплошное рѣшето. Казалось бы, трудно тутъ смастерить что-нибудь похожее на зимній театр. Однако Громыхай не унывалъ.

Однажды, возвращаясь въ корчму съ пучками веревокъ въ рукахъ, съ карманами, набитыми гвоздями, клеємъ, красками и т. п., онъ увидалъ въ проходѣ крестьянскія сани, изъ которыхъ съ трудомъ выползала какая-то дама въ темномъ бурнусѣ, закутанная, помимо платка, въ пестрое одѣяло.

Громыхай кинулся къ ней.

— Дуся!

Дама оглянулась.

— Наконецъ-то!.. Кажется, могли бы встрѣтиться на вокзалѣ, а не заставлятъ меня слоняться по всему мѣстечку... Просто замерзла!..

Ея длинное, желтое лицо перекопилось отъ раздраженія.

— Ахъ, Дуся!.. Я, вѣдь, подробно описалъ тебѣ адресъ!.. Впрочемъ, извини, я былъ занятъ... съ утра на ногахъ... Понимаешь?.. мѣсто сырое... ни залы, ничего... Сюда, сюда!.. суетился Громыхай, отворяя двери своего номера.—Багажъ? сейчасъ!.. Ты, милый, тащи корзину и прочее въ комнату!—крикнулъ онъ ямщику.—Я помогу тебѣ!..

И Громыхай, бросивъ пучки веревокъ, вцѣпился въ корзину.

— Ну, что, Дуся все?.. А?..

— Кажется все... Кулекъ!.. Кулекъ еще остался!..

— Сейчасъ, Дуся, не волнуйся!.. Сейчасъ принесемъ!

Когда и кулекъ помѣстился на полу у печки, Громыхай окончательно затворилъ дверь.

— Ну, здравствуй, Дуся!.. Здравствуй, ангелъ!..— онъ протянулъ дамѣ обѣ руки.

Та подставила ему лобъ. Раздраженіе ея, видимо, не улеглось.

— Самоваръ?.. А?.. Дуся, самоваръ?..

— Разумѣется!.. глупо спрашивать...

— Сію минуту устроимъ и самоваръ... Ахъ, Дуся, зачѣмъ волноваться?.. тебѣ вредно!.. Сейчасъ!—онъ стремглавъ вылетѣлъ за дверь.

Дуся разглядѣла на столѣ водку, кой-какую провизию. Лицо ея нѣсколько прояснилось.

Вошелъ Громыхай... Она поспѣшила нахмурить брови.

— Сгавятъ!.. Сейчасъ подадутъ... Ахъ, Дуся!.. Вѣдь, я поѣхалъ бы навстрѣчу, но, понимаешь? оторваться нельзя!.. Кажется, все будетъ ладно... только много работы... все надо устроить, — болталъ Громыхай, вынимая Дусю изъ одѣяла и бурнуса.

— Гдѣ спектакль?

— Тутъ же въ корчмѣ!.. Мѣста много... И оркестръ и статисты—уже улажено... Лампы даютъ за контръ-марки изъ бань... десять штукъ... Стулья за четыре контръ-марки и два рубля... содрали подлецы... изъ двухъ трактировъ... Интеллигенція, кажется, ничего, сочувствуетъ... Хотѣлъ завтра съѣздить въ сосѣднія деревни и хутора... впрочемъ, думаю, довольно будетъ пригласительныхъ писемъ.. Я сдамъ ихъ въ почтовую контору... Не знаю, какъ ты рѣшишь...

— Мнѣ все равно... Хотъ ничего не сдавай.

— А знаешь?.. ты пополнила...

— Удивительно... Не съ того ли рубля, что ты мнѣ оставилъ!

— А хватило?..

— Какъ не хватить!..

Дуся злобно швырнула на столъ портмоне въ видѣ раковины... жалобно растворившей обѣ половинки...

Громыхай робко заглянулъ въ нихъ и вздохнулъ, съ выраженіемъ глубокой грусти.

— Нда... Я, знаешь, какъ пріѣхалъ сюда... у меня осталось копѣекъ тридцать... У слѣдователя одолжилъ два рубля до спектакля... Почтмейстеръ впередъ заплатилъ за четыре кресла четыре рубля...

Глаза Дуси сверкнули.

— Гдѣ же они?

— Ушли... на расходъ... все до копѣйки...

— Какой расходъ?..

— Какъ какой?.. Гвозди, краски, веревки...

— Да ты съума сошелъ!.. Шесть рублей?..

— Ахъ, Дуся, я отдавалъ одинъ ботинокъ въ починку... У него, понимаешь, вдругъ отвалилась подошва!.. Вотъ сорокъ копѣекъ. Потомъ... все-таки пришлось угостить аптекарей... они рекламируютъ... Жена доктора, милая такая... Знаешь?.. Взясась продать весь первый рядъ... „Я, говоритъ, много слышала про васъ, удивляюсь, говоритъ, какъ вы это рѣшили подарить насъ такимъ удовольствіемъ“... Странно... гдѣ она могла слышать?.. Должно быть, путается... Ты сними, Дуся, ботинки, я тебѣ разотру ноги... Очень милая женщина!..

— Сколько платишь за номеръ?..

— Пятнадцать копѣекъ въ сутки... Недорого?..

Степанида Ивановна...

— Это еще кто?

— Жена доктора... Предлагала занять комнату у нихъ во флигелѣ... даромъ... но, знаешь... тутъ удобнѣе, въ самомъ театрѣ... впрочемъ, какъ ты...

— Не надо.

— Я самъ думаю, что здѣсь удобнѣе... Степанида Ивановна...

— Ужъ начинается?..

Дуся вырвала ногу. Громыхай уронилъ пенснэ и поглядѣлъ на нее глазами, ставшими еще болѣе выпуклыми... Онъ сидѣлъ на корточкахъ... отъ рѣзкаго движенія Дусиной ноги ему пришлось сѣсть на полъ.

— Уйдите!..

— Дуся... я не понимаю...

— Врете!..

— Да право же Дуся!..

— Это безсовѣстно, подло!.. Зачѣмъ же было меня выписывать?.. Дали бы уже подохнуть, безъ гроша въ карманѣ, на постояломъ дворѣ, оставались бы здѣсь съ вашей Степанидой Ивановной...

— Дуся, ей лѣтъ шестьдесятъ...

Этотъ аргументъ, произнесенный хотя и крайне растеряннымъ тономъ, все же подѣйствовалъ.

Громыхай опять поймалъ Дусину ногу и принялся растирать ее съ еще большимъ одушевленіемъ.

По мѣрѣ оттаиванія ноги, оттаивала и сама Дуся. Когда на столѣ появился самоваръ, она даже

улыбнулась, а послѣ третьяго стакана, когда на ея лицѣ показалась сильная испарина, а волосы растрепались, она пошлепала Громыхая по щекѣ и съ нѣкоторой игривостью прошептала:

— Ахъ, ты мой фифишка!..

Громыхай развеселился. Рѣчь его потекла свободной волной, планы становились все грандіознѣе.

Часа черезъ два, уложивъ Дусю въ постель и накрывъ ее своимъ одѣяломъ, Громыхай выскочилъ за ворота чуть не въ припрыжку, помчался по Полицейской улицѣ. Минувя колбасную и замѣтивъ на ея крыльцѣ самого Карла Ивановича, онъ принялъ торжественную позу и объявилъ:

— Труппа съѣзжается!.. Примадонна только что прибыла съ вокзала!..

— Очень хорошо... Отынъ приматонъ? А кгда становилса?

— Я рекомендовалъ ей номера Ривки Наземанъ... Неудобно, знаете... съ ея гардеробомъ... тѣсновато... ну да... что подѣлаешь... ничего лучшаго не найдешь.

— Та, та... Эты права...

— Вообразите!.. на вокзалѣ... за три станціи отсюда, у нея украли брилліантовые серьги!..

— Нэ мошить быть?!!

— Да, тысячи полторы стоили... Еще въ Петербургѣ поднесла ей аристократія... на бенефисъ князь

Оболдуевъ собственноручно подаль изъ оркестра на золотомъ подносѣ въ цвѣтахъ... Замѣчательныя серьги!.. Ужасно жаль!

— Скажите пожалуйста!.. заявляль?..

— Нда... Сейчасъ же составили протоколъ... Ну, да гдѣ ихъ найти?..

— Та, та... разумѣйца... полторы тыщъ... Скаши пошальсть!..

— Не такъ цѣнность, какъ знаете, воспоминанія... Все-таки... князь Оболдуевъ...

И Громыхай помчался далѣе.

„Надо будетъ предупредить Дусю на счетъ серегъ“... сообразилъ онъ. „На обратномъ пути захвачу колбаски... пожалуй, и ветчины съ фунтикомъ отвалить... Эхъ, вотъ она благодать-то!.. живемъ!“

Громыхай окончательно развеселившись, игриво перескочилъ сугробъ снѣга, но поскользнулся и легъ какъ разъ на серединѣ улицы. Это обстоятельство нѣсколько охладило его пылъ. Поднявшись на ноги, онъ быстро оглянулся... Кромѣ нѣсколькихъ мужиковъ, по счастью, никто не замѣтилъ смѣлаго прыжка. Громыхай стряхнулъ снѣгъ, вытеръ ладони о подкладку пальто и важно зашагалъ мимо начинавшаргосся ряда лавокъ...

Гр. Ге.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СПѢШИ!

(Стихотвореніе въ прозѣ).

Другъ мой, ты слышишь, какъ трепетно бьется у милой сердечко?.. По свѣтлый, таинственный духъ первыхъ грезъ и первой любви молодой... Онъ робко стучится въ завѣтную дверь блаженства и счастья... Скорѣй - же открой ему дверь, — поспѣши! Онъ уйдетъ — не воротится больше; и смолкнетъ трепетный стукъ, и сердечко застынетъ, замретъ отъ тоски, и весь міръ для тебя потускнѣетъ... Спѣши!...

* * *

Другъ мой, ты слышишь, какъ маятникъ старыхъ часовъ угрюмо и злобно стучитъ?.. Это Время стремится впередъ, въ безконечность... Это звукъ его мѣрныхъ шаговъ, раздается въ тиши полуночной, это жизнь уходитъ,

уходитъ... Спѣши наслаждаться, любить, жить всѣмъ сердцемъ и чувствовать жизнь всѣмъ существомъ, каждымъ нервомъ... Спѣши!...

* * *

Другъ мой, ты слышишь, — въ глухую, безмолвную полночь кто-то стучится въ окно костлявой рукой, и стукъ этотъ страшный всю душу твою надрываетъ... Ты видишь: вотъ бѣлая тѣнь промелькнула въ окнѣ, исчезла... и вновь появилась... Это смерть!.. Она за тобою пришла... Спѣши-же окончить работу, спѣши сдѣлать людямъ добро, спѣши облегчить, если можешь, страданья несчастныхъ, гонимыхъ... Гаснутъ огни, надвигается сумракъ... Спѣши!...

Lo/o.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Намъ пишутъ изъ Парижа:

29-го ноября въ «Comédie Française» состоялось первое представлѣніе драмы Гастона Деворъ «La conscience de l'Enfant», имѣвшей очень большой успѣхъ. Въ драмѣ затрагивается интересный вопросъ о принципахъ, на которыхъ должна основываться семейная жизнь и происходить борьба двухъ началъ.

Старикъ Caurelin, человекъ безупречно, добродѣтельный и снискавшій славное имя на общественномъ поприщѣ, узнаетъ, что зять его и отецъ любимой имъ внучки Germaine, Montret, замѣшанъ въ грязныхъ спекуляціяхъ, и для успѣшнаго веденія ихъ злоупотребляетъ его, Caurelin, именемъ и положеніемъ, и, кромѣ того, содержитъ жену своего деверя, легкомысленую и безнравственную Евю. Съ прямолинейностью и нетерпимостью, свойственными всѣмъ «благороднымъ отцамъ» французскихъ драмъ, Caurelin требуетъ развода дочери съ Montret и отказа послѣдняго отъ родительскихъ правъ надъ Germaine — въ зависимости отъ чего находится бракъ послѣдней, на который, въ противномъ случаѣ, не соглашается отецъ ея жениха, раздѣляющій взгляды Caurelin.

Жена Montret, въ порывѣ негодованія на гнусную измѣну мужа, соглашается на разводъ со всѣми послѣдствіями, которыхъ требуетъ ея отецъ. Но, видя, какъ тяжела и мужу, и дочери мысль о разлукѣ «навсегда», она рѣшается простить измѣну мужа и оказать ему нравственную поддержку. Такимъ образомъ, старикъ Caurelin является проповѣдникомъ того принципа, что для сохраненія устоевъ семьи слѣдуетъ «отсѣчь» зараженный порокомъ членъ ея, между тѣмъ какъ жена Montret, сознавая, насколько ея мужъ несчастенъ, несмотря на свою вину передъ ней, горячо отстаиваетъ другой принципъ: для спасенія мужа отъ худшаго паденія, она должна простить его и своей любовью и преданностью вернуть его семьѣ. Это начало торжествуетъ и въ сознаніи самой Germaine; не смотря на вліяніе дѣда, пробуждается ея «совѣсть», и она сердцемъ возвращается къ отцу.

Симпатіи и автора и публики на сторонѣ послѣдняго, болѣе гуманнаго принципа и старикъ Caurelin, до конца не желающій признать себя побѣжденнымъ силою любви, заключающейся въ сердцахъ его дочери и внуки — вызываетъ даже насмѣшки! Къ этому основному мотиву пьесы примѣшана необходимая исторія сватовства молодыхъ людей, усложняющая дешевую борьбу Germaine между любовью къ жениху и опасеніемъ, что гордость ея пострадаетъ, если она выйдетъ замужъ при условіяхъ, созданныхъ безчестіемъ отца.

Драма сдѣлана прекрасно; только 1-й актъ немного страдаетъ отсутствіемъ сценическаго движенія. Въ остальныхъ же дѣйствіяхъ развѣтывается быстро и даетъ рядъ сильныхъ эффектныхъ сценъ. Исполнена пьеса въ совершенствѣ. На первый планъ надо поставить г. Вормса, съ чувствомъ мѣры и изяществомъ изображающаго испорченнаго и легкомысленнаго, но еще не совсѣмъ потеряннаго Montret, Баретта создала симпатичный и трогательный образъ любящей и всепрощающей жены.

У этой артистки, помимо внѣшняго совершенства игры, настоящій, живой и сильный темпераментъ. Мнѣ думается, что пьеса эта, при хорошемъ исполненіи, и у насъ имѣла бы шансы на успѣхъ.

К. Набоковъ.

Два американскихъ либреттиста Stuard Reed и Harry Smith избрали, въ качествѣ комическаго матеріала, уродливость Сирано-де-Бержерак'а и состряпали либретто оперетки, идущей въ первые въ Knickerbosner'скомъ театрѣ въ Нью-Йоркѣ. Оперетка, какъ и слѣдовало ожидать, попла, страдаетъ полнымъ отсутствіемъ юмора. За то очень удачна музыка къ этому тексту, написанная W. Herbert'омъ (авторъ оперет. «Нильскій волшебникъ»). Собственно, оригиналъ «Сирано-де-Бержеракъ» благодарнѣйшая тема для оперы и авторъ не преминулъ воспользоваться этимъ, создавъ нѣсколько очень мелодичныхъ и звучныхъ мотивовъ.

Гастролировавшій у насъ недавно знаменитый трагикъ Мунэ-Сюлли занялъ въ настоящее время изученіемъ заглавной роли въ пьесѣ Сарду, «Графъ де-Ризооръ» (Patrie), которая возобновляется на сценѣ Comédie-Française.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ХАРЬКОВЪ. Продолженіе нашей «театральной лѣтописи» составить на этотъ разъ бенефисы г. Павленкова и г-жъ Карпенко, Мартыновой и Днѣпровой.

Г. Павленковъ играетъ любовниковъ, героевъ, комиковъ, — вообще, всѣхъ, кого угодно. Это особенный типъ артиста, которыхъ Щедринъ характеризуетъ: «сейчасъ брюнетъ, сейчасъ — блондинъ». Г. Павленковъ безусловно способный человекъ и очень жаль, что онъ не всегда (большею частью) играетъ то, что можетъ играть. Если въ бенефисъ свой («Юганна») г. Павленковъ, вмѣсто того, чтобы прекрасно сыграть Штрема, блѣдно и съ излишней злостью игралъ роль г. Самойлова — Берхгейма, то все же мы за одинъ порывъ вдохновенія, за нѣсколько искреннихъ слезъ (въ III-мъ дѣйствіи), готовы многое простить бенефицианту. Кстати сказать, его радушно принимали. Сборъ около 700 р. Въ отчетномъ спектаклѣ прекрасно играли гг. Людвиговъ и Самойловъ. Г-жа Карпенко поставила «Вторую молодость», а г-жа Днѣпровая — написанную лѣтъ 40 назадъ — «Перемелется — мука будетъ», «Вторая молодость» грозила затопить слезами театръ. Плакали навзрыдъ и артисты, и публика. Спасибо сценаріусу: разсмѣшилъ всѣхъ, давъ за кулисами выстрѣлъ гораздо раньше, чѣмъ слѣдовало. Бенефициантка играетъ комическихъ старухъ и рѣдко безъ шаржа, который терпимъ въ фарсахъ, но никакъ не въ пьесахъ Островскаго. Бенефициантку встрѣчали и сопровождали радушно. Были подарки. Былъ сборъ (700—800 р.). Бенефисъ г-жи Мартыновой («Генеральша Матрена») — переполненный зрительный залъ имѣетъ праздничный видъ. Русская «madame Sans-Gêne» въ исполненіи г-жи Мартыновой, точно представляла немалый интересъ. Г-жа Мартынова извѣстна всей театральной Россіи, и это лучшее доказательство ея таланта, непрерывной работы и добросовѣстности. Рѣдкой искренностью и горячностью отличался приемъ, оказанный публикой бенефицианткѣ.

На бенефисѣ г-жи Днѣпровой намъ не удалось быть. Намъ передавали, что артистка имѣла успѣхъ, что юноши и юнкера кричали «браво», «bis» «тушь» и прочее по харьковской программѣ.

Выздоровѣла, послѣ трехнедѣльной инфлуэнцы, г-жа Строева-Сокольская и выступила въ «Ноктюрнѣ» г. Нотовича и «Ольгѣ Ранцевой».

7-го — бенефисъ г. Михайлова («Горе Злосчастье»), 10-го — бенефисъ г. Самойлова («Король и поэтъ» и «Новое дѣло»). Труппа г. Кропивницкаго закончила спектакли 28-го ноября и переехала въ Одессу. Дѣла труппы выше среднихъ. Бенефисъ г-жи Заньковецкой собралъ массу публики и прошелъ блестяще. 2-го декабря состоится первый спектакль оперной труппы кн. Церетелли; поставлена будетъ опера «Евгеній Онѣгинъ» съ гг. Давыдовымъ и Каміонскимъ въ роляхъ Онѣгина и Ленскаго и съ г-жей Инсаровой. 3-го декабря пойдетъ «Аида» для дебюта гг. Севастьянова и Теріонъ-Каргановой (новые для Харькова артисты), 5-го дек. «Снѣгурочка» съ г. Южинымъ, 6-го дек. «Пиковая дама», 7-го дек. «Русланъ и Людмила» — дебютъ новой артистки г-жи Радиной. Пойдутъ новыя для Харькова оперы «Царская невѣста» и «Лѣсной царь». Билеты распроданы уже на первые 5 спектаклей.

А. П. Буровъ

НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ. Послѣ постановки «Тартюфа» и «Возчика Геншеля», репутація нашей труппы установилась довольно прочно. Однако, послѣдующій рядъ спектаклей, къ глубокому сожалѣнію, оставилъ далеко не столь выгодное впечатлѣніе, какъ предшествовавшіе. При всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ нынѣшней труппѣ, я не могу не обратить вниманія дирекціи на слѣдующіе моменты, вредно вліяющіе на успѣхъ дѣла: 1) погоня за послѣдними новинками столичныхъ сценъ, 2) постановка пьесъ бытового характера и 3) ослабленіе режиссерской дисциплины. Обращаясь къ фактамъ, для подтвержденія сказаннаго, мы начнемъ съ репертуара за время по 4 ноября. Сыграны пьесы: «Наталя Борисовна Шереметьева», «Биронъ», «Идіотъ», «Друзья дѣтства», «Борцы», «Гроза», «Около денегъ», «Заза», «По гривенничку за рубль» и «Честь». Существуетъ убѣжденіе, что театральное дѣло въ провинціи держится на новинкахъ, — это не совсѣмъ вѣрно. Пьесы безъ интересной интриги, безъ яркихъ сценическихъ образовъ, хотя бы и перенесенныя къ намъ съ разнообразныхъ столичныхъ сценъ, сборовъ дѣлать не могутъ.

Много-ли хорошаго въ новой пьесѣ Борисова «Биронъ»?

Постановка такой пьесы ставитъ въ ложное положеніе актеровъ. Г. Смирновъ, изображавшій Бирона, старался сглаживать шутковскія черты, которыми въ избыткѣ надѣлил Бирона авторъ, но не могъ выдержать тона и часто уступалъ замыслу автора, а, вѣдь, г. Смирновъ умный и даровитый актеръ. Персоналъ труппы оказался недостаточнымъ; обстановочнаго блеска, которымъ, говорятъ, поражаетъ въ этой пьесѣ Александринская-сцена, у насъ, по понятнымъ причинамъ, быть не можетъ.

То же нужно сказать о «Наташѣ Борисовнѣ Шереметьевой». Обращаясь ко второму пункту, мы должны замѣтить, что нашей труппѣ невыгодно показываться въ бытовыхъ пьесахъ. Прошла «Гроза», а за нею пьеса «Около денегъ».

Г-жа Азогарова мастерски передала страданія женщины, мучимой сознаниемъ содѣяннаго грѣха (Гроза), но это не были страданія молодой религиозной купеческой жены Катерины. То же нужно сказать объ исполненіи ею роли Степаниды въ пьесѣ «Около денегъ», гдѣ она, напр., превосходно проводитъ сцену похищенія денегъ. Г-жа Суревичъ, хорошая артистка для салона, изображала совершенно невѣрно образъ суровой и невыносимо тяжелой Кабанихи. Отсутствовали всѣ элементы бытового склада. Вполнѣ удовлетворяютъ въ этомъ отношеніи г-жа Микульская и г. Смирновъ — превосходные актеры на бытовые роли, да отчасти г. Орловъ-Семашко и Разсудовъ. Маленькая роль Оеклуши странницы въ исполненіи г-жи Микульской (въ «Грозѣ») — является своего рода шедевромъ. Г. Смирновъ, въ роляхъ Тихона (Гроза) и Ивана-сына богатого фабриканта («Около денегъ»), положительно безупреченъ. Тутъ есть все для яркаго сценическаго впечатлѣнія: и гримъ, и движенія, и характерный способъ рѣчи. Сцена его ухаживанія за женой Капитона, смущеніе и растерянный видъ при видѣ мужа и его заключительныя слова «старайся, старайся!» вызвали неудержимый смѣхъ въ зрительной залѣ («Около денегъ»). Большой успѣхъ имѣлъ еще въ этой пьесѣ г. Разсудовъ въ роли пьянаго работника Сережки. Наконецъ, ослабленіе режиссерской руки — третій пунктъ, я усматриваю въ недостаточной срепетовкѣ и нетвердомъ знаніи ролей въ пьесѣ «Борцы», благодаря чему, она не имѣла должнаго успѣха. Слѣдовало бы обратить вниманіе на неумѣлую гримировку выходныхъ актрисъ и актеровъ, а также на ихъ туалеты. Говорю это, между прочимъ, по адресу сцены на балу у Галтина. Повторяю: я очень цѣню нынѣшній составъ труппы, которая доставляетъ мнѣ нерѣдко эстетическое удовольствіе, и потому-то позволяю себѣ отмѣтить указанные недочеты. Въ «Борцахъ» немного былъ опрошенъ г. Петросьяномъ торжествующій, раздѣвшагося плутъ Галтинъ, а въ Дилigentовъ г. Разсудова не было тѣхъ тонкихъ художественныхъ штриховъ, которыми блистало исполненіе г. Далматова въ нашемъ же театрѣ, и впечатлѣніе получилось посредственное. Въ Зудермановской «Чести» первый актъ прошелъ вяло, но затѣмъ біеніе пульса усилилось. Робертъ—г. Петровъ-Краевскій игралъ съ сильнымъ темпераментомъ. Выдержанно и умно игралъ Траста г. Смирновъ, давъ, между прочимъ, очень эффектную сцену объясненія съ поручикомъ Брандтомъ. Съ оттѣнкомъ наглости и цинизма изображала г-жа Лидина сестру Роберта. Это невѣрно. На своихъ мѣстахъ были: г. Семашко (фабрикантъ Мюлингъ), г. Нерадовскій (Куртъ) г. Вечесловъ (Брандтъ) и г. Сверчковъ (Михальскій). Выступившая въ первый разъ артистка г-жа Кундасова, приглашенная вмѣсто г-жи Микульской, слишкомъ сухо и серьезно играла старуху Хейнеке. Излишне аффектировала г-жа Глинская—Августа. Съ большимъ успѣхомъ прошла передѣлка романа «Идіотъ». Игра прекрасная, но впечатлѣніе слишкомъ тяжелое. Бенефисъ г-жи Азогаровой прошелъ при совершенно полной зрительной залѣ. Бенефициантка ставила «Заза» и съ детальной отдѣлкой роли соединила идеализированное воплощеніе образа падшей женщины. Въ первой сценѣ не было ни малѣйшаго оттѣнка чувственности и цинизма. В. Д.

РИГА. За второй мѣсяцъ сборы нашего русскаго театра упали ниже по сравненію съ прошлогоднимъ сезономъ. Чему приписать это—общему безденежью или заиграннымъ пьесамъ—судить не беремся. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ находимъ рѣзкую переменъ въ направленіи репертуара: намѣчено нѣсколько классическихъ пьесъ и возлагаются большія надежды на «Федора Иоанновича»,—разрѣшеніе на постановку этой пьесы въ Ригѣ уже получено. Народныя сцены въ трагедіи (на Яузѣ и передъ Архангельскимъ соборомъ), вѣроятно, будутъ выпущены, какъ трудныя и почти невозможныя для такой маленькой сцены, какъ наша. Что-же, такъ, пожалуй, будетъ лучше,—все-таки публика познакомится съ однимъ изъ выдающихся произведеній русской драматической литературы.

Репертуаръ послѣдняго мѣсяца состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ: «Спорный вопросъ», «Жизнь Илимона», «Цыганка Занда», «Сыщикъ», «Ранняя осень», «Каширская старина», «Слѣдователь», «Забава» «Глухая стѣна», «Родина» (бен. г-жи Рахмановой), «Рабы золота» (бен. г. Молчанова), и «Идіотъ» (бен. г. Діевскаго). Послѣдняя пьеса (передѣлана изъ ром. Достоевскаго) прошла уже два раза при совершенно полныхъ сборахъ. Всего за 12 спектаклей взято 3100 рублей, изъ которыхъ на долю бенефициантовъ отчислено 461 р.

Въ Митавѣ за это время было дано два спектакля—2-го «Ложь» (160 р.) и 23-го—«Золото» (230 р.). Дилетантъ.

ТОМСКЪ. Съ открытія зимняго сезона, т. е. съ 28 сентября по 21-е ноября, труппой Н. А. Корсакова были поставлены слѣдующія оперы: «Риголетто» (3 раза), «Аскольдова могила», «Жидовка» (4 раза), «Евгеній Онѣгинъ» (2 раза), «Русланъ и Людмила» (2 раза), «Жизнь за Царя» (2 раза), «Травиата» (2 раза), «Демонъ» (3 раза), «Фра-Діаволо», «Трубадуръ»

(2 раза), «Русалка» (3 раза), «Фаустъ» (2 раза), «Аида» и «Пиковая дама» (2 раза), «Гугеноты». Изъ оперетокъ шли: «Прекрасная Елена», «Продавецъ птицъ» (2 раза), «Гейша» (4 раза). «Птички пѣвчія», «Мартинъ Рудокопъ», «Цыганскій Баронъ» и «Наши Донъ-Жуаны». Такой труппы въ Томскѣ еще не было. Въ оперѣ есть и крупныя силы, какъ Шакуло, Картавина и недурные пѣвцы, какъ г-жи Леминская, Волина, де-Маньи, Сара-Сабина и Недда-Вѣрина и гг. Рыжовъ, Серебряковъ, Петровъ и др. Въ опереткѣ большимъ успѣхомъ пользуются г-жа Самарова и гг. Звягинцевъ, Дунаевъ и Николаевъ-Новскій. Сборы, въ общемъ, средніе.

Съ театромъ соперничаетъ циркъ Боровской, назначая въ одно представленіе три борьбы атлетовъ и мѣстныхъ любителей-борцовъ, до чего публика здѣсь очень падка. IV.

КІЕВЪ. У насъ въ Кіевѣ артисты въ свой бенефисъ обыкновенно ставятъ какую либо новую пьесу, но г. Недѣлинъ, очевидно, не пожелалъ воспользоваться обычнымъ приѣмомъ и поставилъ, старую комедію «Общество поощренія скуки». Тѣмъ не менѣе, билеты были всѣ проданы за нѣсколько дней до спектакля. По подношеніямъ, бенефисъ г. Недѣлина былъ не менѣе удаченъ. Не можемъ не выразить своего полного по этому поводу удовольствія.

Для ближайшаго бенефиса (г-на Степанова) пойдетъ новая пьеса г. Южина «Закатъ». Съ опереткой г-жи Морской кievская публика такъ сроднилась, что предстоящій отъѣздъ труппы многихъ ввергаетъ въ глубокую печаль. Да и г-жа Морская такъ полюбила кievскую публику, что готова дать «малороссамъ» двѣ тысячи рублей отступного за одинъ лишь декабрь, но гг. малороссы гг. Саксоганскаго и Садовскаго не хотятъ «попытыся у дурни».

Кіево-Подольская коммисія попечительства о народной трезвости начала устраивать въ залѣ контрактнаго дома по два спектакля еженедѣльно. Въ воскресенье, 21 ноября была дана пьеса Островскаго «Доходное мѣсто». Исполнителями въ этомъ новомъ народномъ театрѣ являются преимущественно любители.

Кіево-Подольская коммисія начала свою дѣятельность въ этомъ направленіи еще въ 1897 году; съ того времени было дано 27 спектаклей, которыми безвозмездно руководил покойный Рошинъ-Инсаровъ. Посѣтило эти спектакли болѣе 7300 человекъ, на кругъ 270 посѣтителей, но нѣкоторые спектакли прошли при 400 и болѣе зрителяхъ. Изъ шедшихъ пьесъ массъ народной поправились «Двѣ сиротки», «Ревизоръ» и «Параша Сибирячка». Репертуаръ предстоящихъ къ постановкѣ пьесъ составленъ очень удачно; ближайшимъ спектаклемъ пойдетъ «Рабочая слободка» г. Карпова, затѣмъ пойдутъ пьесы Островскаго, Гоголя—«Ревизоръ» и «Женитьба», «Маіорша».

Цѣны мѣстамъ назначены отъ 12 коп. до 1 р. 25 к.; красующаяся надъ подъѣздомъ контрактнаго дома вывѣска съ надписью «общедоступный театръ попечительства о народной трезвости» не вполнѣ согласуется съ высокою сравнительно цѣною мѣстъ. Слѣдовало бы совсѣмъ уничтожить дорогія мѣста и увеличить число дешевыхъ. «Интеллигенція», раскупающая охотно болѣе дорогія мѣста, вытѣсняетъ, въ сущности, тотъ контингентъ публики, который болѣе всего желателенъ въ народномъ или общедоступномъ театрѣ.

Поѣздка Н. Н. Соловцова въ Одессу съ цѣлью снятъ на весенній сезонъ одесскій театръ, для драматическихъ спектаклей, какъ говорятъ, оказалась безуспѣшной, такъ какъ театръ на этотъ сезонъ законтрактованъ г. Коршемъ.

Р.—ичъ.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ. Сезонъ открылся 1-го октября пьесой «Новое дѣло» Немировича-Данченко. Успѣхъ былъ большой и пьеса прошла съ ансамблемъ. Съ дальнѣйшими спектаклями успѣхъ труппы становится больше и больше. Труппа у насъ дѣйствительно подобрана толково, спектакли идутъ съ отличнымъ ансамблемъ. Дѣла прекрасныя. Не рѣдко спектакли съ аншлагами. Успѣху также содѣйствуетъ дешевизна цѣнъ на мѣста. Кромѣ того, разъ въ недѣлю ставятся пьесы по удешевленнымъ цѣнамъ. Вообще, г. Никулинъ заявилъ себя теперь, какъ и въ предшествующіе два сезона, толковымъ, дѣльнымъ антрепренеромъ и честнымъ (въ отношеніи труппы). За первый мѣсяцъ взято 5000 т. руб., по 300 р. на кругъ. Театръ вмѣщаетъ только 400 рублей. Такихъ дѣлъ не запомнятъ здѣсь давно. До сихъ поръ прошли слѣд. пьесы: «Золотая Ева», «Ложь», «Гроза», «Девятый валъ», (2 раза), «Волшебная сказка», «Борцы», «Казнь», «Въ старые годы», «Два подростка», «Невинноосужденный» (2 р.), «Дядя Ваня», «Извозчикъ Геншель», «Слѣдователь», «Двѣ судьбы», «Судебная ошибка», и другіе. Пресловутый, «Измаилъ» шелъ 3 раза при полныхъ сборахъ. Состоялось два бенефиса: Никулина «Ядро» и Шеиной «Заза» (2 раза). Успѣхъ средній, но подарковъ, — какъ отъ труппы, такъ и отъ публики, — нѣсколько.

Готовятся къ постановкѣ: «Новый міръ», «Закатъ», «Идіотъ», а также «Федоръ Иоанновичъ». Наибольшимъ успѣхомъ пользуются Волховской и Яблочкина, оба заслуженные ветераны сцены. Въ заключеніе нельзя не обратить вниманіе на тотъ странный фактъ, что одна изъ мѣстныхъ газетъ почему-то

считаетъ своимъ долгомъ бранить труппу, что особенно сильно стало проявляться за послѣднее время.

КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКЪ. Въ половинѣ декабря оканчивается нашъ оперный сезонъ, и труппа г. Эйхенвальда переѣзжаетъ въ Житомиръ. Здѣсь, въ Каменцѣ, она пользовалась втеченіи минувшихъ двухъ мѣсяцевъ далеко не одинаковымъ успѣхомъ. Отношеніе публики къ спектаклю опредѣлялось прежде всего тѣмъ, выступалъ или не выступалъ въ немъ гастролеръ, такъ какъ постоянныя силы труппы были организованы въ настоящемъ году менѣе удачно, чѣмъ въ прошломъ. Особенно ощутительно сказывалось отсутствіе басовъ, которое приводило къ необходимости поручать такія партіи, какъ Сусанинъ въ «Жизни за царя», а мельникъ въ «Русалкѣ», Мефистофель въ «Фаустѣ» и т. п., совсѣмъ слабымъ артистамъ, предназначеннымъ, повидимому, для вторыхъ ролей. Прежде (1897 и 1898 гг.) въ этихъ партіяхъ здѣсь выступали гг. Ильяшевичъ, Парамоновъ и Чистяковъ, и публика не могла не сравнивать нынѣшняго исполненія съ прежнимъ.

Не отличался въ 1899 г. богатствомъ и репертуаръ каменецъ-подольской оперы. Втеченіи сезона, г. Эйхенвальдомъ были поставлены большею частью старыя, заигранныя оперы. Вотъ списокъ всего, что каменчане слышали въ истекающемъ на-дняхъ сезонѣ: «Фаустъ», «Травиата», «Трубадуръ», «Карменъ», «Аида», «Африканка», «Риголетто», «Отелло», «Паяцы», «Сельская честь», «Лючія», «Лакме», «Гугеноты», «Жизнь за царя», «Русалка», «Евгеній Онѣгинъ», «Пиковая дама», «Дубровскийъ», «Мазепа» (1 дѣйствіе), «Демонъ». Всѣхъ спектаклей было дано около 45. Разумѣется, мы не считаемъ въ этомъ числѣ спектаклей народныхъ, ибо народу по обыкновенію преподносился «второй сортъ». Нѣкоторые изъ первыхъ персонажей труппы считали недостойнымъ для себя выступать передъ сѣрою публикой, и на мѣсто ихъ становились компри-маріи; а самыя оперы исполнялись съ многочисленными купюрами и далеко не съ тою старательностью, какая считается необходимою при аудиторіи, наполненной «чистою» публикою.

Составъ оперной труппы въ настоящемъ году былъ слѣдующій: г-жи Брунъ, Шоръ-Плотникова, Норина, Михайлова, Шубина, Великанова; гг. Ошустовичъ, Рыбаковъ, Бильскій, Бѣловъ, Гепецкій, Спивакъ, Щербинскій. Значительнымъ и неизмѣннымъ успѣхомъ пользовались только г-жа Брунъ (сопрано) и г-жа Шубина (контральто). Въ трехъ, четырехъ партіяхъ имѣла шумный успѣхъ и г-жа Шоръ-Плотникова. Изъ мужскаго персонала болѣе выдающимися силами надо признать гг. Ошустовича (теноръ) и Бильскаго (баритонъ), хотя оба они очень замѣтно уступаютъ гг. Массимо-Массими и Виноградову, которые гастролировали здѣсь—каждый недѣли по три. Особымъ и вполне заслуженнымъ успѣхомъ пользовался у насъ г. Виноградовъ—не только очень музыкальный пѣвецъ, съ красивымъ и сильнымъ голосомъ, но и артистъ съ выдающимся драматическимъ дарованіемъ.

Объ оркестрѣ и хорахъ распространяться не приходится: они рѣдко бываютъ хороши на провинціальныхъ сценахъ, а на такихъ, какъ каменецкая, имъ ужъ и положено быть плохими. Плохъ былъ и балетъ въ этомъ году сравнительно съ прошлымъ зимнимъ сезономъ: танцевали совсѣмъ по ученически (4 танцовщицы).

Указывая недочеты нашего опернаго дѣла, мы, разумѣется, далеки отъ мысли приписывать ихъ цѣликомъ лицамъ, стоявшимъ во главѣ здѣшней труппы. Не сомнѣваясь, въ виду опыта 1898 г., что эти лица могли лучше поставить и вести театральное дѣло въ Каменцѣ, мы должны, однако, признать, что многое находилось и внѣ ихъ власти, было непосильно оперному товариществу, а затѣмъ антрепризѣ по чисто мѣстнымъ условіямъ. Достаточно указать, что все населеніе Каменецъ-Подольска не достигаетъ и 35 тыс. душъ и что нашъ маленькій городской театръ при полномъ сборѣ даетъ едва 400 руб.

Въ концѣ декабря у насъ начнутся спектакли драматической труппы г. Любова, имѣющей переѣхать сюда изъ Житомира. О ней мы сообщимъ въ свое время.

КОСТРОМА. Драматическая труппа, сформированная подъ управленіемъ извѣстнаго театральнаго дѣятеля Д. А. Бѣльскаго составлена довольно удачно. Г. Бѣльскій ведетъ дѣло театра добросовѣстно. Обстановка, декорации, свѣжіе костюмы, подходящіе аксессуары, часто до мельчайшихъ подробностей,—находятся въ исправности. Порядокъ въ театрѣ во время спектаклей образцовый. Театръ заново отремонтированъ. Дума щегольнула отдѣлкой зданія и фойе. На ремонтъ было затрачено до восьми тысячъ рублей.

Спектакли даются три раза въ недѣлю. Репертуаръ состоитъ изъ слѣдующихъ пьесъ: «Джентльменъ» (открытіе сезона), «Цѣна жизни», «Борцы», «Каширская старина», «Нишяя», «Невольницы», «Глухая стѣна», «Расточитель», «Двѣ сиротки», «Василиса Мелентьева», «Идиотъ», «Нишчіе духомъ», «Дядя Ваня», «Не такъ живи», «Багдаская принцесса», «Чайка», «Въ Шильонскомъ замкѣ», «Клубъ холостяковъ», «Отелло», «Гамлетъ», «Говорящій нѣмой», «Князь Серебряный», «Невинно осужденный». Труппа состоитъ изъ 26 лицъ. Женскій персоналъ: А. А. Бѣльская, С. Ф. Волховская, Ф. К. Горбунова, Е. А. Долинская, А. Н. Князева, Е. Ю. Лелина,

К. М. Рощина, Е. М. Турчанинова, А. И. Уварова, Н. Н. Юматова. Мужской персоналъ: Л. Г. Баскаковъ, О. К. Бобровъ, В. К. Верховскій, С. Н. Дебольскій, В. В. Дольскій, Г. Г. Ивановъ, Я. В. Кабановъ, Н. М. Незнамовъ, П. П. Степановъ, Н. И. Тихановъ, В. Я. Шамардинъ, гг. Свѣтловскій, Оедоровъ. Суфлеръ А. Н. Полубинскій. Струнный оркестръ г. Сахарова.

Переходя къ сужденію объ артистахъ, отнесемся съ крайнею снисходительностью, помня мудрое правило Бѣлинскаго: «не требуйте отъ человѣка болѣе, чѣмъ онъ можетъ дать, и вы будете каждымъ довольны...»

Г-жа Волховская безусловно лучшая въ труппѣ исполнительница ролей драматическихъ героинь и coquettes. Успѣшно сыграла: Эмму— («Джентльменъ»), Вѣру— («Старый закалъ»), Ліонетту— («Багд. принцесса»), Валерію («Нишяя»). Г-жа Турчанинова— молодая артистка съ красивыми внѣшними данными. Обладаетъ хорошимъ гардеробомъ и обнаруживаетъ хорошую школу, хотя еще не совсѣмъ опытна. Сыграла: Василису— («Василиса Мелентьева»), Евлалію— («Невольницы»), Кондорову— («Нишчіе духомъ»), послѣдняя пьеса шла въ ея бенефисъ, сопровождавшійся подношеніями и оваціями. Г-жа Бѣльская на роли ingénue. Миловидная и симпатичная исполнительница ролей Анны— («Василиса Мелентьева»), Насти— («Борцы»), Людмилы— («Старый закалъ»). и др. Г-жа Долинская. Прекрасная артистка на роли пожилыхъ grande dame. Слабѣе въ роляхъ комическихъ старухъ. Г-жа Князева. Молодая артистка на роли дѣвочекъ, какъ видно изъ начинающихъ, удачно сыграла Катю— («Вольная пташка»). Г-жа Лелина. Весьма недурная артистка въ водевиляхъ. Обладаетъ не большимъ, но хорошо обработаннымъ голосомъ. Г-жа Юматова. Хороша въ роляхъ драматическихъ старухъ, рѣдко играетъ. Изъ мужскаго персонала можемъ отмѣтить: Г-на Шамардина (герой-любовникъ). Пользуется заслуженнымъ успѣхомъ, г. Тиханова, опытнаго и законченнаго артиста на роли резонеровъ— г. Верховскій—приличный исполнитель резонеровъ и фатовъ, г. Баскаковъ, способный исполнитель комическихъ ролей. Г. Степановъ, преимущественно водевильный актеръ. Остальные исполнители болѣе или менѣе, полезные труженики.

Мѣстный листокъ первые двѣ-три недѣли относился весьма сочувственно къ театру, и пѣлъ ему хвалебныя диоирамбы. Но затѣмъ рѣзко перемѣнилъ фронтъ. Злые языки говорятъ, что эта перемѣна взглядовъ произошла вслѣдствіе какихъ-то «особыхъ причинъ».

Театралъ.

ТАШКЕНТЪ. Къ Рождеству здѣсь ожидается Русско-малорусская труппа г. Мирова-Бедюха. Труппа эта въ Асхабадѣ сдѣлала прекрасныя дѣла. Въ настоящее время она гастролируетъ въ г. Самаркандѣ.

Послѣ того, какъ антрепренеръ Кручининъ-Тиллингъ не исполнилъ по контракту съ городомъ обязательства, городскіе театры, лѣтній и зимній сдаются городомъ антрепренерамъ или распорядителямъ товариществъ *бесплатно*. На запросъ агента Театральнаго Общества, городъ увѣдомилъ письменно, что желательно имѣть труппу по рекомендаціи Русскаго Театральнаго Общества на весенній и лѣтній сезонъ. Предприниматели должны за снятіемъ театра обращаться непосредственно въ городскую управу. Зимній театръ къ лѣту будетъ заново отремонтированъ и расширенъ.

С. Календаревъ.

КРЕМЕНЧУГЪ. Первая серія бенефисовъ началась у насъ въ половинѣ октября. 9-го ноября въ бенефисъ Я. М. Любина поставлена была пьеса; «Якобиты» Франсуа Коппэ. Бенефициантъ выступилъ въ роли Ангуса, слѣпного нишяго, и имѣлъ въ ней большой успѣхъ. Особенно удалась ему послѣдняя сцена 3-го акта. Сборъ былъ хорошій, публика принимала артиста очень тепло и встрѣтила громкими, долго не смолкавшими аплодисментами. Г. Любинъ замѣтно пользуется исключительной любовью публики, благодаря своему серьезному отношенію къ дѣлу и всегдашнему знанію ролей. Успѣхъ г. Любина дѣлилъ съ нимъ г. Долинъ, въ роли принца Карла— Эдуарда Стюарта.

Отмѣтимъ также г-жу Муромцеву въ роли Маріи, внучки Ангуса, и г-жу Дольскую въ роли Джоэ.

БРЕСТЪ-ЛИТОВСКЪ. 24 ноября открылся зимній сезонъ. Открытіе спектаклей было вмѣстѣ съ тѣмъ открытіемъ вновь построеннаго зимняго театра, котораго до настоящаго времени здѣсь не существовало, шла «Гейша». Главную роль Мимозы исполняла г-жа Соколова, обладающая небольшимъ по діапазону и не сильнымъ голосомъ, звукъ всегда чистъ, что въ особенности сказалось въ пассажѣ въ концѣ вальса 2-го акта. Тѣмъ не менѣе, выигрышные номера въ музыкѣ взяли свое, даже безъ аріи хохота въ третьемъ актѣ; публика принимала Мимозу радушно. Не менѣе радушно публика принимала и каскадную актрису, г-жу Руджіери. Судить о голосахъ г-жи Руджіери, тенорѣ Мазуровѣ, баритонѣ Васильевѣ еще рано.

Оперетка шла не безъ пробѣловъ, особенно ощутительныхъ въ оркестрѣ и мужскомъ хорѣ. 8 человѣкъ—не оркестръ и 3 человѣка—не хоръ. Сборъ былъ полный—около 200-хъ рублей. Больше театр не вмѣщаетъ: балконъ и галлерей еще не готовы; пока «дѣйствуетъ» одинъ партеръ.

Искъ.

ЯРОСЛАВЛЬ. Второй бенефисъ былъ у г-жи Кварталовой. Артистка поставила извѣстную пьесу Зудермана «Гибель Содома». Сборъ былъ большой, бенефициантка въ роли Кити имѣла шумный успѣхъ и получила цѣнные подарки. Изъ остальныхъ исполнителей выдѣлился г. Мавринъ въ роли Вилли. Роль Клерхенъ исполняла г-жа Вольская, которую публика шумно привѣтствовала. Слѣдующій бенефисъ былъ 11 ноября прѣмьера нашей труппы г. Маврина. Публика горячо привѣтствовала г. Маврина шумными оваціями. Успѣхъ артиста раздѣляли г. Нильскій въ роли 1-го актера и г-жа Анненская въ роли Офеліи.

Сборъ былъ полный. Слѣдующій бенефисъ уважаемой артистки г-жи Бурдиной.

Театралъ.

ПЕРМЬ. Выдающимся музыкальнымъ событіемъ сезона была постановка 26-го октября безсмертной оперы Р. Вагнера «Лоэнгринъ». Поставить въ провинціи такую грандіозную оперу, требующую большихъ оркестровыхъ и хоровыхъ силъ, роскошной обстановки, исполнителей съ недюжинными голосовыми средствами и школой—это большая заслуга, и публикѣ остается только благодарить дирекцію. Постановка оперы производитъ самое пріятное впечатлѣніе цѣлесообразностью, стильностью и mise en scène. Во всемъ видна трудолюбивая, обдуманная, доходящая до художественности работа режиссера Боголюбова. Декорации и обстановка превосходны, какъ и костюмы. Небольшой оркестръ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, увертюра вызвала одобреніе публики. Хоры вѣрно интонировали, отлично держались на сценѣ. Особенно хорошо былъ спѣтъ хоръ III акта «Благъ нашъ Господь». Переходя къ исполнителямъ отдѣльныхъ ролей, нужно прежде всего остановиться на исполнителѣ заглавной роли Лоэнгринъ—г. Рѣзуновѣ. Партія Лоэнгринъ требуетъ большой школы, выдержки и сорвать аплодисменты за отдѣльныя фразы или высокія ноты здѣсь нельзя. Она вся требуетъ bel canto. Первые же фразы обращенія къ лебедю: «Плыви назадъ», дали характеръ и типъ рыцаря Св. Грааля. Сцена дуэта съ Эльзой была проведена съ должной теплотой.

Разсказъ былъ проведенъ въ мистически торжественномъ тонѣ, а сцена прощанія съ захватывающей сердечностью. Это лучшая роль артиста и публика вполне справедливо оцѣнила его исполненіе.

Эльза въ исполненіи г-жи Рядновой была безупречна въ музыкальномъ и сценическомъ отношеніи.

Начиная съ внѣшности и тембра голоса, это была именно та истая Эльза, которую изображалъ Вагнеръ. Въ первомъ же актѣ разсказъ «Помню, какъ молилась» произвелъ чарую-

щее впечатлѣніе своей простотой и искренностью. Каватина II акта «О, вѣтеръ легкокрылый» была исполнена поэтически, дуэтъ съ Лоэнгриномъ съ большимъ подъемомъ, увлеченіемъ и страстью. Исполнитель роли Тельрамунда—г. Амирджанъ показалъ всю мощь своего прекраснаго голоса. Сценическая передача роли была удовлетворительна. Ортруда г-жа Лидина была хороша въ вокальномъ отношеніи, въ сценическомъ же насъ мало удовлетворила. Король—г. Сангурскій, недурно загримировался и въ сценическомъ отношеніи выдержалъ роль. Вполнѣ на мѣстѣ былъ также г. Шеинъ—глашатай. Успѣхъ опера имѣла огромный, вызвали исполнителей, капельмейстера и режиссера. Сборъ былъ полный, и можно смѣло предсказать, что эта опера сдѣлается «гвоздемъ сезона».

К—ская.

РЕПЕРТУАРЪ Императорск. С.-Петербургскихъ театровъ

съ 13-го декабря по 20-е декабря 1899 года.

Александринскій театръ.—13-го декабря: «Накипь»,—14-го «Идіотъ».—15-го «Волшебная сказка»,—16-го «Вакантное мѣсто»,—17-го «Закатъ»,—18-го «Литер. и музык. вечеръ въ память Гете»,—19-го, Утромъ: «Недоросль», ком. Вечеромъ: «Идіотъ».

Михайловскій театръ.—13-го декабря: «На старой мельницѣ», «Мнимый больной». — 14-го «Divorçons», — 15-го «Отчій домъ»,—16-го «Divorçons».—17-го «Вторая жена».—18-го «Bénéfice de Paul Reney», «Daniel Rochat». —19-го «Daniel Rochat».

Маринскій театръ.—13-го декабря: «Коппелія», «Маркобomba», — 14-го «Травиата», — 15-го «Тангейзеръ»—16-го «Карменъ»—17-го Дебютъ тенора парижской оперы г. Федорова: «Гугеноты»,—18-го Спектакль италіанской оперы подъ управленіемъ г. Угетти,—19-го Утромъ: «Евгеній Онѣгинъ», Вечеромъ: «Эсмеральда» бал.

Справочный отдѣлъ.

Ф. САФОНОВЪ—суфлеръ и 2-й комикъ свободенъ. Предложенія адресовать: На ст. Три Острова Р. У. ж. д. Ф. Сафонову до востребованія.

Редакторъ А. Р. Кутель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1900 годъ. Самая дешевая политическая, общественная и литературная ежедневная газета

РУССКОЕ СЛОВО

издаваемая И. Д. Сытинъ въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, въ форматѣ и по программѣ большихъ газетъ. VI-й годъ изданія.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія газета «Русское слово» допущена къ обращ. въ бесплатныхъ нар. читальняхъ. Въ праздничные дни газета выходитъ съ иллюстраціями, посвященными выдающимся моментамъ русской и иностранной жизни. Въ теченіе года на столбцахъ «Русскаго слова» были напечатаны литературныя произведенія И. И. Мяснищаго, В. М. Дорошевича, Д. С. Дмитріева (Москвина), К. В. Назарьевой, статьи Д. И. Иловайскаго, П. Кичеева, Берендея (псевдонимъ), А. А. Осипова, В. О. Юрдана, князя Б. Щ-ва, Н. Вадимова, Д. И. Никифорова, А. Владимірскаго, П. Н. Полевого, Н. Позднякова, Новаго (псевдонимъ), А. В. Круглова, Н. П. Бочарова и мн. др. Въ 1899 г. въ фельетонахъ «Русскаго Слова» печатался новый романъ графа Л. Н. Толстого «Воскресеніе». Въ портфель редакціи и къ наступающему году имѣется богатѣйшій выборъ статей и интереснѣйшихъ беллетристическихъ произведеній извѣстныхъ авторовъ. Выбѣтъ съ тѣмъ, благодаря географическому положенію Москвы и многочисленнымъ корреспондентамъ газеты, «Русское Слово» даетъ читателямъ хронику и всѣ новости текущей жизни гораздо раньше петербургскихъ газетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на годъ 5 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., въ первомъ апрѣлѣ 1 руб., къ первому іюля 1 руб. и къ первому октября 1 руб.

Адресъ редакціи «Русскаго Слова»: Москва, Ильинскія ворота, домъ Титова.

Издатель И. Д. Сытинъ.

Редакторъ Е. Н. Киселевъ.

ПОЛНОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ИМУЩЕСТВО:

Библіотека, декорации и костюмы для драмъ, комедій и феерій отдаю на прокатъ и продаю. Предлагаю свои услуги какъ администраторъ и режиссеръ для народныхъ и общедоступныхъ театровъ съ имуществомъ и безъ онаго.

Адресъ: Москва, домъ Фальцъ-Фейнъ, № 22. Павлу Ананьевичу Соколову-Жамсонъ или Бюро Русскаго театральнаго Общества. № 1258 (2—1).

Н У Ж Н А.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ГЕРОИНЯ

въ г. Тамбовѣ, дир. Бр. Крамесь, съ Рождества и до конца сезона.

(5—3).

Театръ „ФАРСЪ“

(бывшій Панаевскій, у Дворцоваго моста).

Дирекція: А. М. Горинъ-Горайновъ, С. К. Ленни, В. А. Казанскій.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ ПОДЪ ЛИЧНЫМЪ РЕЖИССЕРСТВОМЪ

Сергѣя Константиновича Ленни.

Репертуаръ: Въ воскресенье, 12-го декабря: 1) „Господинъ директоръ“; 2) „Война съ женами“. Понедѣльникъ, 13-го: 1) „Ночь любви и приключеній“; 2) „Три жены для одного мужа“. Вторникъ, 14-го: 1) „Похождение мистера Пиквика и его товарищей“; 2) „Война съ тещей“. Среда, 15-го: 1) „Ночь любви и приключеній“; 2) „Холодные души“. Четвъ, 16-го: 1) „Похождение мистера Пиквина и его товарищей“; 2) „Дамскій фотографъ“. Пятн., 17-го: 1) „Ночь любви и приключеній“; 2) „Дама отъ Максима“. Субб., 18-го: 1) „Подайте мнѣ ребенка“; 2) „Война съ женами“; 3) „Дамскій фотографъ“.

Исключительный репертуаръ фарсовъ и легкихъ комедій.

Масса новинокъ. Новая обстановка.

Для ослабѣвшихъ, одержимыхъ нашлемъ мальць-экстрактъ и леденцы фабрики

„ДЕЛИВА“

въ Варшавѣ, ул. Згода, № 5, существуетъ съ 1884 г.

Продаются въ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ. Остерегаться поддѣлокъ.

КАРАМЕЛЬ

изъ грудныхъ травъ

ОТЪ КАШЛЯ и отдѣленія МОКРОТЪ

„КЕТТИ БОССЪ“

Б. Семадени, въ Кіевѣ.

Главн. складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, С.-Петербургъ, Гороховая, 33.
Цѣна металл. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается вездѣ.

1252 (12—1)

ГОРДОСТЬ РУССКАГО ТЕАТРА

М. Ф. Савина.

Брошюра по поводу XXV лѣтъ служенія ея драматическому искусству.

Цѣна 1 руб. съ перес.

Складъ изданія: С.П.Б. Слоновая ул., д. 21, кв. 29.

№ 1260 (1—1).

КРАСКА

== для волосъ ==

ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА

АЛЕКСАНДРА ТЕРКЕ.

окрашиваетъ въ черный и коричневый прочный цвѣтъ, — смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе.

Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 50 коп.

Главный складъ А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площадь № 2.
Получать можно вездѣ.

Краска для волосъ Голлендера „НАТУРЕЛЬ“.

Самая безвредная и прочная, окрашивающая волосы въ натуральные цвѣта: черный, каштановый и темнорусый.

Краска „НАТУРЕЛЬ“ не имѣетъ дурного вліянія на волосы.

Цѣна коробки 1 р. 50 коп., съ пересылкою въ Европейскую Россію 2 р. 25 к. Требуется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи.

Главный складъ: Торговый домъ „Парфюмерная лабораторія „І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“, С.-Петербургъ, Разѣзная, № 13.

216 (1—)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 декабря 1899 г.

Открыта подписка на 1900 годъ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТ. ЖУРНАЛЪ

ВОКРУГЪ

16-й годъ издаванія СВѢТА 16-й годъ издаванія

50

еженедѣльн. иллюстрированныхъ №№ въ годъ, болѣе 2000 столбцовъ текста и до 400 рисунковъ.

Между прочимъ, въ текстѣ новый романъ Вас. Ив. Памировича-Данченко „Сторожевые огни“.

бесплатно 12 томовъ въ подлинныхъ переводахъ:

1) Даніэля Дефог

„РОБИНЗОНЪ КРУЗО“.

2) Александра Дюма

„ТРИ МУШКЕТЕРА“.

3) Собраніе романовъ въ 6-ти томахъ

ГУСТАВА ЭМАРА.

2 роскошные преміи.

„Наполеонъ въ плѣну у казаковъ“

съ картины Млауровскаго.

и „Въ Аббасъ-Туманъ“

съ картины А. А. Киселена.

Подписная цѣна на годъ:

безъ картинъ 4 р.

съ двумя картин. 5 р.,

съ доставкой и пересылкой.

Адресъ редакціи ВОКРУГЪ СВѢТА: Москва, Ильинскія ворота, д. Титова.

ПРОДАЕТСЯ

Театральная Библиотека,

состоящая изъ 740 пьесъ стараго и новаго репертуара очень сходно, къ 70 пьесамъ имѣются роли. Списокъ пьесъ высылается за три семикопѣечныя марки.

Г. МАРИУПОЛЬ, Екатерины губ., Иль Леонтьевичу Шаповалову, свой домъ.

1259 (2—1)

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго времени“, Карбасникова и Попова

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

Юр. Озаровскаго

„НАШЕ ДРАМАТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ“.

Цѣна 1 рубль.

(5 1).

Типографія Спб. Т-ва „Грудъ“. Фонтанка, 86.